

Ю Л І Я ,

или

ПОДЗЕМЕЛЬЕ МАДЗИНИ;

Сочиненіе Анны Радклифъ.

Переводъ съ Французскаго.

ВТОРОЕ ИСПРАВЛЕННОЕ ИЗДАНИЕ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

М О С К В А ,

въ типографіи Августа Семена.

1819.

Печаташь дозволяется съ шѣмъ , чтобы по напечатаніи , до выпуска въ публику , представлены были въ Цензурный Комитетъ : одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета , другой для Департамента Министра Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія , два экземпляра для Императорской публичной библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Февраля 6 дня , 1819 года. Книгу сію разсматривалъ Адъюнктъ Словесныхъ Наукъ , Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ

ПЕТРЪ ПОВѢДНОСЦЕВЪ.

Ю Л І Я ,

и л и

ПОДЗЕМЕЛЬЕ МАДЗИНИ.

Г Л А В А І V .

« Винцентъ Мадзини, прерпій Маркизь сего имени, дѣдъ мой, около ста лѣтъ назадъ шому получилъ во владѣніе сей замокъ. Предки мои пипали смерпельную и долговременную ненависть къ фамиліи Делла Кампо. Не нужно сказывать, какъ началась она и какъ продолжалась. Совершенное паденіе фамиліи Делла Кампо и побѣда Маркизовъ Мадзини ознаменовали конецъ ея. Слава нашихъ неврпяпелей погибла въ Сициліи; ихъ имѣніе было разграблено, сами они изгнаны , и скрылись въ земляхъ опдаленныхъ. Но одинъ изъ нихъ , презирая

всѣ опасности, рѣшился оспаться. Онъ безпрестанно бродилъ въ окрестностяхъ замка, и дѣдъ мой опасался, чтобы онъ не предпринялъ пагубнаго для него намѣренія. И такъ должно было предупредить его. Винченсъ Мадзини подкупилъ нѣсколькихъ изъ той многочисленной шайки разбойниковъ, которые опустошаютъ Иппадію и Сицилію; и они, подобно шпионамъ, вездѣ слѣдовали за его непріателемъ.

» Чрезъ нѣсколько недѣль они захватили его ночью въ необитаемомъ мѣстѣ; обременили оковами и отвели въ замокъ. — Онъ назывался Генрихъ Делла Кампо. Дѣдъ мой приказалъ заключить его въ одной комнатѣ полуденнаго сиротняго, и чрезъ нѣсколько дней нашли его мертвымъ. Я не смарался знать, умеръ ли онъ насильственной смертію, или опчаяніе, что не могъ опіимспить и попался въ руки непріателю, внезапно прекратило его жизнь.

» Намѣреніе Винченца Мадзини полу-

чило совершенной успѣхъ: оно оспалось непроницаемою пайною. Тщепны были всѣ покушенія, какія употребляла фамилія Делла Кампо, чтобы узнать, куда поль внезапно скрылся ихъ родсвенникъ. Щедро награжденные лазушники замолчали и разошлись. Спокойствіе возвращилось въ замокъ — и мой дѣдъ забылъ своихъ непріятелей.

»Нѣсколько лѣтъ назадъ пому разпространился слухъ, что духи обитаятъ въ замкѣ. Эта молва сперва показалась мнѣ смѣшною; но наконецъ она пакъ умножилась, что я рѣшился самъ узнать истину.

»Въ одну ночь, приказавъ всѣмъ людямъ своимъ иппи спать, я вошелъ одинъ въ полуденную часть замка, гдѣ, говорили, являлись привидѣнія. Я приближался пуда скорыми шагами, ощущая однакожь внутреннее нѣкоторое спокойство, соединенное всегда съ ночными поисками, какъ вдругъ ужасное привидѣніе поразило взоръ мой неожиданнымъ образомъ. Вся пвердоспъ моя исчезла, и

я съ прелепомъ бросился бѣжать. Тогда я не только опказался опъ дальнѣйшихъ поисковъ, но и рѣшился навсегда оставитъ полуденную часть замка, и теперь съ ужасомъ воспоминаю это страшное явленіе. — Въ то же время приказалъ я запереть всѣ двери, ведущія въ пустыя комнаты, и не хотѣлъ даже никогда возвращаться въ замокъ. — Думаю, — ты замѣтилъ — что я прѣзжалъ сюда очень рѣдко; однакожь спеченіе многихъ дѣлъ заставило меня такъ долго здѣсь жить.

»Чтожь это за привидѣніе? Неизвѣстно. Тѣнь ли это Генриха? мститъ ли она за убійство? требуетъ ли погребенія? онъ ли наводитъ ужасъ, который поражаетъ сестеръ твоихъ?— Этого я не могу и не желаю знать. Сынъ мой! уважай, подобно мнѣ, сію страшную тайну! Не должно слабымъ смертнымъ проникать, а еще менѣе уничижать сверхъестественныя дѣйствія.»

Фердинандъ слушалъ Маркиза въ без-

молвномъ ужасѣ. Съ прелетомъ предспавлялъ онъ дерзновенные свои поиски. Видѣлъ предъ глазами огонь и человѣка, копорые ему являлись; воображалъ гибельное свое положеніе на срединѣ лѣспиницы въ башнѣ въ ту самую минушу, какъ обрушились нижнія спупени, по копорымъ онъ едва усиѣлъ пройти. Предспавляя пакія карпины вмѣспѣ со всѣми подробностями, имъ слышанными, приходилъ онъ опъ одного воспоминанія въ пакое же содроганіе, какимъ объапъ былъ, когда видѣлъ ихъ на самомъ дѣлѣ.

Маркизь, распаваясь съ своимъ сыномъ, сказалъ ему, чпо сеспры его могутъ оспавить свои комнапы, и перейти въ шѣ, копорыя прежде занимали. Онъ велѣлъ сказапъ имъ, чпо, не желая знапъ причины ихъ прозьбы, хочепъ только сдѣлапъ удовольспвіе своимъ дѣпямъ. Тогда обѣ сеспры опяпъ заняли свои прежніе покои, выключая главной комнапы, копорую Маркиза непремѣнно хотѣла для себя удержапъ. Она изъ-

явила чрезвычайное неудовольствіе своему супругу за его снисхожденіе, которое называла смѣшною и несносною слабостію. Маркизь же съ своей стороны очень холодно сказалъ дочерямъ своимъ, чтобы онѣ не нарушили болѣе спокойствія въ замкѣ ребяческимъ спрахомъ, копорой можетъ только раждаиься въ воображеніи больнаго и суевѣрнаго человека. Фердинандъ же углублялся въ размышленіи о пѣхъ шаинспвенныхъ произшествіяхъ, копорыя рассказывалъ ему Маркизь, и твердо будучи увѣренъ, что Генрихъ Делла Кампо умеръ насильственною смертію, не могъ повѣришь ненавистной мысли, что онъ правнукъ убійцы. Сердце его раздиралось, когда онъ воображалъ, что здѣсь — въ самомъ эпомъ замкѣ, пролипа кровь невинная; что духъ, обипающій въ стѣнахъ его, и даже являвшійся собственнымъ его взорамъ, есть не иное что, какъ пѣнь несчастной жертвы, копорая пребуешь справедливаго мщенія надъ попомками своего убійцы.

Удручаемый споль горестными размышленіями, онъ безъ всякой цѣли ходилъ по саду, когда подошелъ къ нему Ипполипъ. Лице Фердинанда было такъ блѣдно, глаза такъ впали, что другъ его примѣшилъ по въ одну минушу, и поспѣшь спрашивалъ о причинѣ. «Не старайся, любезный другъ, опвѣчалъ онъ, узнать шо, что открывашь мнѣ не позволено. Это будешь единственная пайна, копорую я долженъ скрыть опъ тебѣ.» Оканчивая послѣднія слова, онъ поспѣшно удалился.

Чувствительная Юлія сперва очень огорчилась тѣмъ, что Ипполипъ такъ скоро узналъ о расположеніи ея сердца. Но размышляя о семъ впечатлѣніи, которое въ самомъ началѣ было для нее несносно, она чувствовала въ душѣ что - то пріятное и лестное. Разговаривая съ нимъ, она не могла сомнѣваться о нѣжной его любви — и съ тихимъ удовольствіемъ повпоряду въ мысляхъ тѣ любезныя выраженія, копорыя употреблялъ

Ипполитъ, описывая свою любовь; предсказывала его заботливосць, какъ бы понравилсья ; его робосць и неизвѣсность, достоинль ли онъ опличія ; наконецъ его восхищеніе, когда Фердинандъ, предсказывая ему многіе частные случаи, увѣрилъ его, что онъ пронуль сердце любимаго имъ предмета. Да и какъ можно ей пропитьсья сладоспному увѣренію въ любви млодаго, нѣжнаго, чувспвительнаго, почпительнаго человѣка! Она предавалась симъ лестнымъ надеждамъ, и почпала позволительнымъ наслаждапсья ими, какъ вдругъ приказаніе опъ Маркиза, потчасъ иппи къ нему, изпоргаепъ ее изъ сихъ мечпаній.

Не спараясь знапъ причины, она послѣшила исполнить родительскую волю, и нашла его въ кабинетѣ, прохаживающаго большими шагами. Важной и суровой видъ его показывалъ, что онъ имѣепъ также что нибудъ важное сообщитъ ей. Запворивъ двери, онъ сѣлъ подлѣ дочери, посмопрѣлъ на нее вни-

машельно и сказалъ: Юлія! я призывалъ тебя, чпобы объявилъ тебѣ, какое великое щастіе тебя ожидаетъ. Герцогъ Луово пребуешь пвоей руки. Искаръ споль знѣтнаго союза — я не имѣлъ никакого права. Хошя я напередъ увѣренъ въ пвоемъ согласіи, однакожь оно мнѣ нужно для того, чпобъ послѣшипъ приговореніями къ свадьбѣ. Скажи, дочь моя! какъ тебѣ кажется эта новостъ, споль лестная и неожиданная.

Вѣсть о скорой смерти не такъ бы поразила Юлію, какъ пагубное сіе предложеніе: она стояла неподвижна и не могла произнести ни одного слова. Опецъ ея, занимаясь сполько честлюбивыми своими планами, очень ошибся въ чувспвахъ Юліи. Онъ вообразилъ, что такая слабость, такое безмолвіе происходили опъ внезапной радости, и хошѣлъ уже укрить ее въ томъ, какъ совершенное уныніе Юліи показало ему примѣпнымъ образомъ ея опчаяніе. Признаюсь, сказалъ ипогда Маркизь, что я слишкомъ попо-

ропился ; но въ сію минушу пы должна оставипь прежнія свои привычки и вѣпренныя мысли, и предпочеснь всему превосходныя пипла, копорыми скоро будешь пользоваться. Я не спараюсь и не хочу знашь причинь швоей слабоспи. Оставляю пебя самой себѣ ; подумай, и чрезь нѣскольکو часовъ пригошовь мнѣ удовлешворипельный отвѣпъ.

Нѣпъ , бапюшка , нѣпъ ! я не могу этого , — никогда не могу , отвѣчала Юлія, бросясь къ его ногамъ. Ради Бога, не губипе меня. Еспьли желаете смерпипи вашей дочери , то получиите это скоро , выдавъ меня за шакого человекъ , опъ копораго съ ужасомъ опвращается мое сердце.

Опъ чего шакое опвращепіе ? и какое подозрѣпіе оно должно внушипь мнѣ ? Повипоряю еще разъ : оставь это смѣшное припворство, и знай, что я пребую ловиновенія.

Бапюшка ! во всякомъ другомъ случаѣ несчастная Юлія пожерпвовала бы собою ;

но сдѣлаюсь несчастною на всю жизнь!...

Герцогъ Луово богатырь, знаменъ и припомъ любезенъ : онъ все предлагаетъ тебѣ — и ты еще колеблешься споспѣшествовать намѣреніямъ своего отца ! Безумная ! или ты думаешь, что я стану унижаться передъ своею правдою безразсудной и непокорной дочери ! Скажу тебѣ одно слово : выбери одно изъ двухъ : или нѣжность, или гнѣвъ мой ! Если сего дня не дашь своего согласія , то знай , что ты не будешь болѣе моею дочерью , и я не буду знать тебя ! Завтра же вышлю тебя изъ замка , въ которомъ ты уже никогда не будешь .

Сказавъ сіе, Маркизь съ бѣшенствомъ вышелъ изъ кабинета . Юлія не могла снести толь ужаснаго проклятія . Колѣна ея подогнулись , и она упала безъ чувствъ на полъ . Будучи одна и лишена всякой помощи , не прежде пришла въ себя ; какъ черезъ нѣсколько часовъ . Тутъ сиѣшила выйти изъ сего пагубнаго кабинета , опираясь то на мебель , то на стѣну , и съ

спрудомъ дошла до галлерей. Чувствуемая ею горестъ и боль, причиненная падениемъ, уже повергали ее опять въ обморокъ въ ту мину, какъ увидѣла Ипполита, нечаянно шедшаго къ ней навстрѣчу. Тутъ силы ея ослабѣли — и она упала почти безъ чувствъ, ухватясь обѣими руками за перилы.

Ипполитъ бросился къ ней на помощь; но не смотря на всю его поспѣшность, она стояла уже на колѣняхъ, и скоро была поднята его спараніемъ. Унылый видъ, блѣдное лице Юліи показывали, что она очень страдала внутренно. Трещая слѣдаль онъ ей нѣсколько вопросовъ о причинѣ ея мученій, — и однѣ слезы нѣжной Юліи были отвѣтомъ. Желая скорѣе дойти въ свою комнату, она позволила ему поддерживать себя во все то время. Приблизась къ тому мѣсту, гдѣ надлежало имъ разсѣяться, онъ крѣпко прижалъ руку Юліи къ своимъ уснамъ — и ея послѣдній взоръ выразилъ прошивъ воли всю чувствитель-

иоспѣ ея души. Они не сказали другъ другу ни слова; но сіе безмолвіе сколько превышало самыя краснорѣчивѣйшіе разговоры!

Въ сію-по минушу Юлія, будучи одна и оспавлена самой себѣ, предалась горестному и мучительному опчаянію. Она не менѣ чувствовала бы опвращенія опъ предлагаемаго ей союза, еспьлибъ и не вкралась въ сердце ея сильная спраспъ къ Иннолинпу.

Герцогу Луово былъ 56 й годъ, и онъ имѣлъ уже двухъ женъ. Онѣ обѣ были невинными жертвами скопскихъ прихотей его и гордоспи, и умерли съ печали въ непродолжительномъ времени послѣ бракосочетанія. Энопъ человекъ своимъ характеромъ чрезвычайно походилъ на Маркиза Мадзини. Та же надмѣнность, та же непреклонность въ нравѣ и жестокость къ домашнимъ: вопъ опличительныя его черты. Привыкнувъ поступать съ своими женами какъ съ невольницами, какую ужасную учаспъ гоповилъ онъ Юлію,

сей претіей несчастной жертвѣ , желя соединиться съ нею ! Какое ненавистное сравненіе представлялось уму Юліи между человѣкомъ , лишеннымъ кропкихъ и человѣколюбивыхъ чувствъ , и между великодушнымъ и нѣжнымъ Ипполитомъ , котораго душа и мысли совершенно согласны съ великою душою милой его подруги ! Во время празднества , которое Маркизь давалъ въ этотъ день , когда Фердинандъ , сынъ его , пришелъ въ совершенный возрастъ , Герцогъ увидѣлъ Юлію— и прелестной молодой , любезной дѣвицы произвели сильное въ немъ впечатлѣніе. Опъ первой жены онъ имѣлъ только одного сына , которой его оставилъ. Такимъ образомъ оставшись одинъ , онъ рѣшился соединиться бракомъ съ Юліею , и почтивъ ее шипломъ и названіемъ претіей своей супруги. Маркизь , щипая за честь себѣ такое предложеніе , съ воспоргомъ принялъ его , и внутренно имѣлъ уже въ родствѣ одну изъ первыхъ фамилій въ Сициліи.

Тщешно Гжа. Менонъ , Эмилиа и Фердинандъ , находясь съ Юлією , прилагали объ ней всѣ свои спаранія и нѣжныя утѣшенія. Ея горесць нимало опъ того не уменьшалась; а Ипполинь съ своей спорны чувспвовалъ пакже мученія — и не могъ проникнуть главной причины ея печали. Когда , по усильнымъ прозьбамъ сего послѣдняго, Фердинандъ пришелъ къ Юліи , и узналъ варварское предложеніе своего опца : то душа его наполнилась пою живѣйшею горесцію , какая перзала сердце Юліи. Первая его мысль была соединить бракомъ своего друга съ одною изъ своихъ сесперь. — Взаимная склонность Ипполипова благопріяпспвовала такому намѣренію , и все клонилось къ исполненію онаго; но все сіе было разрушено жестокимъ и непреклоннымъ опцемъ. Сверхъ того довольно было извѣстно всѣмъ , что ничпо не могло пронуть надмѣнной души Маркиза, копорый не принималъ никакого разсужденія, и ни мало не забопился , щаспльвыми или

нещастными дѣлаеть своихъ дѣтей ,
только бы исполнить Chesполубивыи свои
ожиданія.

Разспавшись съ милыми сеспрами ,
Фердинандъ возвращался въ свою комна-
пу, какъ Ипполипъ, встрѣнясь съ нимъ,
привель его въ чрезвычайное замѣша-
пельство. Онъ хотѣлъ было опложипъ
на нѣсколько времени пу минупу, въ ко-
порую надлежало ему увѣдомипъ его о
намѣреніи Маркиза въ разсужденіи Юліи.
Но непредвидѣнная встрѣча и чрезмѣрное
желаніе его друга, узнать истинную при-
чину горести Юліиной , заспавили его
открыть тайну. Подробности , въ какія
принужденъ былъ входипъ Фердинандъ
пропипъ своей воли , сильно пронули
Ипполипа , и все , что могъ сказапъ
другъ его , дабы уменьшипъ его опча-
яніе , послужило только къ усугубленію
онаго.

Юлія , желая возвращипъся скорѣе въ
свою комнату, сказала , что у нее очень
болитъ голова, и оставила прежде вре-

мени обществу. Она заключилась одна въ комнаѣ , и занималась своимъ несчастіемъ ; часы пропекали медленно въ печальныхъ и перзашельныхъ размышленіяхъ. Сонъ убѣгалъ отъ нея рѣсницъ , и ея положеніе становилось болѣе и болѣе несноснымъ. — Наконецъ она встала , приблизилась къ окну, открыла его пихонько, и старалась развлечь себя видомъ предметовъ, ее окружавшихъ.

Луна сіяла во всемъ своемъ блескѣ , и казалось, на воздымающіяся только морскія волны изливала свои лучи. Тихое колебаніе водъ иногда прогоняло къ берегу серебряные валы. Все дышало тишиною. Глубокое спокойствіе Натуры нечувствительно переселилось въ сердце Юліи , и на нѣсколько минутъ по крайней мѣрѣ успокоило горестныя ея мысли. Она съ умиленіемъ смотрѣла на сію величественную и меланхолическую картину; но ея задумчивость скоро была прервана дальнымъ шумомъ веселья небольшого судна, быстро несущагося къ берегу

и прямо къ замку. Эпопъ предметъ сперва предсѣвился взорамъ ея какъ бы непримѣтною почкою, и въ нѣсколько минушь перемѣнился въ довольно большую шляпку, съ флюгерами и флагами. Раздалось тихой пріятной звукъ инструментовъ, за нимъ послѣдовалъ хоръ голосовъ, пропѣвшихъ гимнъ, извѣстной во всей Сициліи, подъ названіемъ: *Полуночная Пѣснь*.

Согласіе инструментовъ съ голосами сообщало въ сей каршинѣ восхищительную прелесть. Юлія, имѣя оныя Природы чувствительную душу, сильно прогалась всѣмъ, что только имѣло нѣкопорою образъ чувствительности. Скоро умолкло пѣніе, и шляпка скрылась. Юлія наслаждалась пріятнымъ сномъ — и нѣсколько часовъ покоя возвратили ей прежнюю живость и веселость.

Солнце сіяло уже на горизонтѣ, когда она проснулась. Мучительныя безпокойства заснули мѣсто пріятныхъ и тихихъ первыхъ ея идей. Послѣднія слова

ея опца живо предспавились ея уму. Она думала о средствѣ, какъ бы испоргнушь-ся опъ бѣдственной своей участи. Тогда приходишь къ ней слуга, съ приказаніемъ опъ Маркиза , чптобы она топчасъ шла къ нему; конечно для того , чптобы предупредишь ее о посѣщеніи Герцога Луово, попому чпто ему надлежало бышь поупиру въ замкъ и съ нею имѣшь первое свиданіе. — «Поспайся, сударыня, сказаль онъ ей, одѣшься какъ можно лучше, и покажи ласковымъ своимъ пріемомъ Герцогу, чпто ты во всякое время гопова исполняшь желанія опца и соображаешь съ его намѣреніями.»

Безполезны были бы отвѣты. Она удалась, обливаясь слезами, и, пронзенная жестокою горестію, пришла въ свою комнату.

Наконецъ наступилъ полдень; въ одну минуту послѣ того звукъ лишавръ, спукъ опъ каретъ, лошадиной топотъ и шумъ слугъ возвѣснили въѣздъ Герцога на передній дворъ замка. Юлія почувспвовала

въ душѣ своей великую слабость — и не имѣла силы встать съ кресель. Новое приказаніе отъ ея родителя усугубляетъ ея мученіе. Она бросается въ объятія нѣжной Эмили, которая ничѣмъ не можешь пособить ей, кромѣ слезъ. Наконецъ собравшись съ силами, оставляетъ сестру свою, выходитъ изъ комнаты и является въ главной залѣ замка. Тамъ съ нѣкоторымъ пуржесствомъ ожидали ее отецъ ея, Маркиза и Герцогъ Луово.

Послѣ первыхъ привѣтствій, Маркизь съ супругою своею удалились подъ разными предлогами, а Юлію оставили одну съ Герцогомъ. Во всякое другое время такое положеніе привело бы въ робость нашу героиню; но въ этомъ случаѣ оно удвоило еще ея мужество и утвердило ее въ принятомъ ею намѣреніи.

Она рѣшилась прибѣгнуть къ чувствительности Герцога и пребывать его помощи. «Можетъ быть, у него не желѣзное сердце, говорила она самой себѣ. Онъ ищетъ руки моей, не зная, что

сердце мое вручено уже другому. Я скажу ему, что мнѣ не возможно любить его; что, исполняя желаніе моего отца, мы сдѣлаемъ другъ друга вѣчно несчастными; что Небу вѣкоторымъ образомъ негоденъ нашъ союзъ; и тогда собственная его выгода и опасеніе, свойственное всякому честиному человѣку, опасеніе подвергнуть молодую женщину ужасному злополучію и вѣчнымъ сѣпованіямъ, удалятъ его, можетъ быть, отъ первыхъ его намѣреній. Онъ откажется отъ брака, совершаемаго подъ покровомъ жестокихъ предвѣсній; сдѣлается чувствительнѣе къ моимъ мученіямъ — и будетъ моимъ защитникомъ, — покроквителемъ у Маркиза.»

Предубѣжденная сими упрѣдительными мыслями и обманчивою надеждою, она съ покойнымъ видомъ слушаетъ приписываемыя отъ него похвалы ея красотѣ, молодости и пріятности лица; и когда всѣ обыкновенныя его выраженія истощились, и ей надлежало уже гово-

ришь , тогда она отвѣчала сими словами :

Государь мой! я чувствую — сколько должно, — всю цѣну вашего пребыванія, и желаю удовлетворить васъ равною довѣренностію. Можеть быть, вы думали, что я съ радостію приму шакое предложеніе. Это правда; но для чего не спросили меня о склонности моей, расположена ли я вступить съ вами въ споль благородной союзъ? Мнѣ не возможно имѣть къ вамъ другаго чувства, кромѣ почтенія; — щещтно вы будете стараться получить мое сердце. Непреодолимое отвращеніе. . . »

»Какъ, сударыня! и я не имѣю никакого права надѣяться? . . . »

»Извините моей опкровенности, — обспоятельствва оправдываютъ ее. Не въ споль важную для меня минушу я должна употреблять припворство. Рѣшившись опкрыть вамъ свои чувства, я рѣшилась сдѣлать еще болѣе: просить васъ, государь мой! именемъ великодушія,

своиспвеннаго испинно благородному чел-
ловѣку , чпобы вы , спказавшись ошъ
брака со мною, убѣдили моего родител-
ля въ помъ , что онъ не долженъ спа-
рапсья располагать моею рукою, не узнавъ
напередъ , любезенъ ли моему сердцу ,
или нѣспъ, назначаеый миѣ въ супруги.

Герцогъ Луово чрезвычайно огорчился
такими словами , и вспаль со спула ,
морща брови и показывая пропивъ же-
ланія всю свою досаду. «Вашъ опецъ и
я, сударыня, сказаль онъ Юліи, не зна-
ли, чпо вы такъ рано расположили сво-
имъ сердцемъ. Въ такомъ, случаѣ и я
не захочу прервать споль прекраснаго
согласія. Вы одарены преждевременною
чувспвивпельноспію — и васъ ожидаетъ
спкая щаспливая учаспъ , копорой со-
вѣмъ чуждо мое сердце. Теперь я очень
чувспвую , сколь незавидна моя роль и
сколь бесполезна моя надежда. Уваженіе
и удивленіе будутъ впредь единспвен-
ными моими къ вамъ чувспвами!»

« Ахъ ! государь мой , я прѣбовала вашего великодушія — и навлекла на себя гнѣвъъ вашъ . Бѣдная ! какъ я ошиблась ! »

« Вы худо меня понимаете , сударыня ; позвольте мнѣ оставить васъ . Человѣкъ , внушающій одно отвращеніе , долженъ умѣть сокращать свои посѣщенія . — Сказавъ сіи слова , онъ отворилъ дверь , и удалился съ великою поспѣшностію и чрезмѣрнымъ бѣшенствомъ .

Сколь велико было ея раскаяніе , что приписывала она Герцогу Луово добродѣтели , которыя были ему чужды ; — что хотѣла возбудить въ немъ великодушіе , чувство , котораго онъ никогда не зналъ , — и надѣялась , что человѣколюбіе и истинная чувствительность будутъ за нее ходатайствовать предъ нимъ ; — принудявъ его оставить свои намѣренія и обратиться свой выборъ на другой предметъ ; но гнѣвъъ и гордость заставляли его думать совсѣмъ иначе . Герцогъ почивалъ своимъ долгомъ погу-

бить несчастную, которая осмѣлилась презирать супружесиво съ порочнѣйшимъ человекомъ, котораго не могла перенѣшь.

Чего спрашилась несчастная Юлія, то сбылось на самомъ дѣлѣ! Низкая душа Г. Луово наполнилась презрѣннымъ чувствіемъ мщенія; въ ту же минушу побѣждалъ онъ къ Маркизу, увѣдомилъ его объ отказѣ Юліи, и приписывалъ его нѣжной спасни, которую она непременно чувствовала къ кому нибудь — можетъ быть, къ человеку низкаго рожденія, недостойнаго руки ея. Маркизь пробылъ нѣсколько часовъ наединѣ съ Герцогомъ, позволилъ ему ѣхать въ Неаполь, и потомъ приказалъ позвать дочь свою. Она немедленно пошла къ нему, и должна была съ совершенною покорностію слушать, какъ Маркизь грубымъ и жестокимъ образомъ укорялъ ее въ мнимой спасни. Наконецъ онъ рѣшишельно сказалъ, что, не смотря на пропивную склонность ея сердца, она

должна произвольно или принужденно чрезъ три дни дать руку свою Герцогу, которой къ этому времени прїѣдетъ въ замокъ для бракосочетанія съ нею. Юлія, при всеѣ робости, хотѣла предсказать Маркизу гдѣ ужась, какой она чувствовала оупъ такого супружества; но Маркизь съ яростию вышелъ изъ кабинета, и заперъ дверь за собою.

Нещасной Юліи не оставалось болѣе никакого средства, кромѣ слезъ и опчаянія. Какъ провинившя пиранской волѣ отца, который всеѣмъ жертвуетъ гордоспи и честолюбію, и никогда — ни одну минуту не сказывалъ ни малѣйшаго снисхожденія къ своимъ дѣтямъ! Юлія непременно должна быть жертвою неумолимой гордоспи одного и неукротимой сирасти другаго.

Въ чрезвычайной гороспи удалилась она въ свою комнату, куда попічасъ пришла и любезная Эмилія.

Въ ту минуту, когда душа изнемогаетъ подъ бременемъ жестокой гороспи, нѣж-

ныя состраданія любезной сестры такъ сладостны — имѣють такую пріятность, которой никакъ не лзя проши-
висься. Онѣ плакали вмѣстѣ, и Эмилія
не прежде возвратилась въ свою комна-
ту, какъ сестра ея нѣсколько успо-
коилась.

Между тѣмъ наступила ночь. Юлія
такъ была разстроена въ продолженіи
дня, что не могла заснуть. Она прибѣ-
гла къ чтенію. Чувствительный Романсъ
попался ей въ руки. Черезъ нѣсколько
страницъ нашла она живо описанное по-
ложеніе, очень сходное съ ея собствен-
нымъ. Она сравнивала горесть, изобра-
женную въ книгѣ, съ насюющею своею
горестію — и новыя слезы показались
на ея глазахъ.

Мертвое молчаніе царствовало во всемъ
замкѣ. Юлія была увѣрена, что всѣ его
жители покоились въ сладкомъ снѣ. Чер-
ныя облака покрывали Небо; ночь была
самая мрачная; атмосфера находилась въ
такомъ сильномъ движеніи, какое бываетъ

при наспуленіи бури. Вѣперь по длиннымъ коридорамъ производилъ глухое спенаніе , время отъ времени прерываемое; — и эптошь вой вѣпрровъ наполнялъ душу Юліи пакимъ же ужасомъ , копорой чувспивовала она въ прежнихъ своихъ покояхъ. Съ препетомъ прислушивалась она къ малѣйшему шороху, какъ вдругъ услышала очень явспвенно шаги идущаго человѣка , копорый , казалось , подходилъ къ дверямъ ея комнапы. Черезъ нѣсколько минушь она могла разпознапъ голоса нѣсколькихъ людей , шихо говорившихъ между собою. Наконецъ услышала , что ея называютъ по имени , и узнала голосъ Фердинанда. Тутъ спрахъ ея исчезъ; въ одно мгновеніе она опворепъ дверь , — и эпто былъ брапъ ея съ любезнымъ Ипполипомъ.

Юлія не могла сокрыпъ своего смятенія. Ипполипъ взялъ ея за руку — и оно пошчасъ исчезло. Фердинандъ сказалъ ей , что , имѣя нужду поговорипъ съ нею о важномъ и тайномъ дѣлѣ, онъ

выбралъ такое время, для того, чтобы никто не примѣнилъ и не засталъ ихъ у нее.

Мы очень увѣрены, сударыня, прибавилъ Ипполитъ, что вашъ батюшка долженъ употребить всю власть свою, чтобы принудить васъ дать руку недостойному Луово; онъ не будетъ заботиться о вашей склонности. Чтобы исполнить свое намѣреніе — онъ покажетъ всю свою спротивность, презритъ ваши слезы, сменанія, и жестокимъ образомъ пожертвуетъ вашимъ благополучіемъ. Для избѣжанія сего несчастія, для васъ осталось одно средство: скрывается отъ власти жестокаго родственеля. Я со-вѣщивался съ вашимъ братомъ — и съ его согласія предлагаю мою вамъ помощь. Я полновластный господинъ самого себя. Согласитесь, любезная Юлія! — согласитесь съ супругомъ своимъ спаситесь отъ жестокаго гоненія . . . Боже мой! вы ничего не отвѣчаете! Юлія! что долженъ я заключить изъ сего мол-

чанія? Ахъ! вижу, очень ясно вижу, что я не заслужилъ вашей довѣренности. Вы едва удоспоиваете меня выслушать. Ахъ! еспьли я вамъ несносень, по опвергните меня съ презрѣніемъ! Тогда удаюсь отсюда, и въ мучительномъ опчаяніи буду влачить жизнь свою! Такъ! я не останусь здѣсь — въ эпомъ мѣстѣ, гдѣ обитаешь ты, которую одну только я могъ любить, и которая жестокимъ презрѣніемъ плащитъ за всю мою нѣжность!

Юлія заливалась слезами. Мысль о побѣгѣ ужасала ея робость. Удалиться отъ опеческаго дому, не признавъ священной власпи родителя, предашья неизвѣстнымъ слѣдствіямъ несчастной любви своей: эпи чувства попереиѣнно наполняли душу ея опчаяніемъ, и она не знала, на что рѣшиться.

Любезная Юлія, милая сестрица! скажь Фердинандъ, подошедши къ ней, и взявъ ее за руку съ чувствомъ нѣжнѣйшаго дружества: положишь на моего дру-

га, повѣрь чистосердечнымъ его обѣщаніямъ. Уважая и храня всегда славу моей фамиліи, я самъ бы отвратилъ тебя отъ такого смѣлаго поступка, если бы я почтительнѣе его безразсуднымъ. Ипполитъ любитъ тебя — онъ добродѣтеленъ, я за него тебѣ ручаюсь; ты послѣдуешь за супругомъ, честнымъ человекомъ, истиннымъ любовникомъ и вѣрнымъ другомъ! Можно ли колебаться еще: быть ли щепетливою, или спрдасть подъ бременемъ ширинства!

Любезный братецъ! сказала ему Юлія: все, что ты можешь мнѣ сказать, тысячу разъ повторяла я самой себѣ. Какъ бы ни убедительно было твое краснорѣчіе за твоего друга, мое сердце еще лучше защищаетъ его...

Едва произнесла она послѣднія сіи слова, вдругъ почувствовала, какъ много сказала. Ея смѣлливость приведена была въ величайшее замѣшательство. Она спрашивалась переступить границы скромности, свойственной ей полу. Эпа

мысль , казалось , оspanовила всѣ дѣйствія ея разсудка. Одинъ вздохъ , глубокой вздохъ , копорой выражалъ тягоспное состояніе души ея , прервалъ безмолвную нечувствительность , въ копорой она находилась .

Оба друга , а особливо Ипполитъ , были чрезвычайно пронунны споль разительною карпшною жестоккой горесни . Юліино состояніе привело ихъ въ неизьяснимое замѣшательство и недоумѣніе . Любезная Юлія ! сказалъ Ипполитъ : ради Бога отвѣчайте . Прервите опчаянное молчаніе , скажите , что вы позволяете мнѣ надѣяться . . .

Юлія внутрененно радовалась , видя споль искреннюю любовь во взорахъ и словахъ Ипполита — и нѣжнѣйшая улыбка была его наградою . Но вдругъ голова ея склонилась на креслы — и она едва не упала въ обморокъ . Тушь брашь и любовникъ ея видѣли , что множеспво различныхъ чувствованій , безпреспанно сражавшихся въ ея душѣ , повергли ее въ

и въ которой родъ безчувственности, и на нѣсколько минутъ лишили употребленія разсудка; Ипполитъ обнималъ ее колѣна, и заклиналъ ее согласиться за нимъ слѣдовать.

Пламенная просьба прельщивала Ипполиту видѣть состояніе Юліи; но Фердинандъ примѣшилъ, что опасно было бы болѣе упреждать ее неослупными просьбами. Ей надобно успокоиться, любезный другъ! сказалъ онъ Ипполиту: мы пойдемъ теперь, сестрица!

По крайней мѣрѣ, вскричалъ Ипполитъ, позвольте намъ, сударыня, припсти сюда завтра въ это же время.

Хорошо! я васъ буду ожидать. Это былъ послѣдній отвѣтъ Юліи, которой сдѣлала она съ такою пріятностію, съ такою чувствительностію, какую только сердце, исполненное признательности и сгараемое любовію, можетъ выразить въ рѣшительномъ отвѣтѣ.

Помню они распались съ нею; вышедъ изъ ея комнаты, едва сдѣлали

нѣсколько шаговъ по большой галлерей, какъ вдругъ увидѣли въ самомъ концѣ ея отраженіе свѣтна на спѣннѣ, прямо находившейся передъ ними. Имъ показалось, что свѣтъ выходилъ изъ двора, позади главной лѣспиницы; они бросились туда; но не успѣли еще дойти, какъ свѣтъ исчезъ. Тщепно прислушивались подлѣ двери: не слышно было никакого шума. Тогда рѣшились они возвратиться къ себѣ въ комнату, мучимые однакожь безпокойствомъ, что кто нибудь вѣрно за ними подсматривалъ.

Юлія, чувствительная Юлія, возмущенная происшедшимъ явленіемъ, не могла заснуть во всю ночь. Всѣ мысли ея заняты были предложеніемъ Ипполита, на которое ей должно было согласиться. Оставшись въ замкѣ — она показала бы чрезмѣрную любовь къ отцу; но соединеніе съ такимъ человекомъ, которымъ она гнушалась, осуждало ее на бѣдственную жизнь, и буду-

щую участь ея дѣлало ужасною. Еслѣди послѣдовашъ за Ипполипомъ, по какому поношенію, какимъ проклятіямъ подвергала бы она себя и доброе свое имя? Какого права не подала бы молодому человѣку, влюбленному сего дня, а завтра, можешъ бышь, измѣнишь гошповому? Не должно ли ей было опасаться, что самое согласіе, послѣдовашь за нимъ, покажешъ неблагоразуміемъ, непростибельнымъ въ мысляхъ его, и перемѣнишь его любовь, испребивъ къ ней почтеніе.

Слѣдующій день провела она въ безпокойсвахъ, въ такой же неизвѣстности. Въ самую полночь Ипполишъ и Фердинандъ пришли къ ней въ комнату. Они возобновили усильнѣя прозьбы свои, и при томъ сказали ей, что послѣ завтра наспанешъ роковой день, въ которой Маркизь повлечешъ ее къ олтарю, и принудишь ее дашъ руку свою Герцогу Луово. Тогда исчезла вся нерѣшимосшь Юліи, и она обѣщала имъ, что

въ слѣдующую ночь, въ эпомъ же часу, послѣдуешь за Ипполиномъ.

Восхищеніе молодаго сего человѣка было чрезвычайно, когда онъ услышалъ сіе драгоцѣнное увѣреніе, сопровождаемое всѣми знаками взаимной любви и совершенной довѣренности.

Теперь, воскликнулъ Ипполипъ въ радостномъ восторгѣ, — теперь могу я назвать тебя моею любезнѣйшею, моею неопцѣнною супругою. Въ присутствіи своего брата, вѣрнаго друга моего, клянусь посвящать всю свою жизнь благополучію моей Юліи. Теперь имѣю я право ожидать пріятныхъ дней; опъ руки дружества принимаю прекрасную. Съ сего времени, вамъ, милымъ друзьямъ моего сердца, посвящаю всѣ минуны моего существованія.

Произнося торжественное сіе обѣщаніе, Ипполипъ бросился къ ея ногамъ. Юлія подала руку, чпобы поднять его. Онъ схватилъ ее и прижалъ къ своему сердцу. Помомъ, не въ силахъ будучи

удержать своего восторга, заключилъ ее въ свои объятія , и на устахъ ея собралъ первые поцѣлуи любви. Спыдливой румянецъ покрылъ лице Фердинандовой сестры. Послѣ нѣжнѣйшихъ взаимныхъ увѣреній , Ипполитъ и Фердинандъ вышли изъ комнаты Юліи, давъ другъ другу слово, что слѣдующая полночь будетъ назначена для опѣзда.

Такой важной поступокъ , на которой мы одинъ уже разъ согласились, до самаго его совершенія , подаетъ обильную маперію для размышленія молодой дѣвицѣ. Оспавивъ домъ родипельской, избавивъ ся опъ той власпи , подъ которою провели мы почти всю жизнь свою, предавъ ся на произволь судьбы, подвергнуться всѣмъ опасностямъ, которыя сопровождаютъ побѣгъ, быть жершвою злословія и жесточайшей клеветы : — какихъ превратностей , какихъ несчастій должно опасаться !

Много разъ спрашивала Юлія сама себя, ошкривъ ли свое намѣреніе Эми-

ліи, сестрѣ своей, или Гжѣ. Менонъ?— но думая, что совѣны, которыхъ она могла ожидать отъ нихъ, будучь внушаемы робоспію, или излишнимъ благоразуміемъ, и что еспь такіе случаи въ жизни, когда чрезвычайная опрометчивость повергаетъ насъ въ несчастіе, а предпріимчивая отважность приводитъ совѣмъ къ неожиданному успѣху; зная же при томъ, что ни сестра ея, ни Гжа. Менонъ не имѣютъ никакого способа избавить ее отъ насильственной власти отца, она рѣшилась, чего бы то ни стоило сердцу ея, удалиться безъ ихъ вѣдома, и хранить святое, но необходимое молчаніе.

Множество обстоятельствъ и приготовленій возвѣщали Юліи, въ продолженіи дня, что завтра наступитъ время, назначенное Герцогомъ и отцемъ ея для празднованія ненавистнаго брака. Каждое изъ сихъ обстоятельствъ еще болѣе утверждало Юлію въ первомъ ея намѣреніи; съ непримѣннымъ искусствомъ

удалила она сестру свою и Гжу. Мепонъ изъ своего покоя, члиобъ воспользо-
вапсья эпимъ временемъ и собрапъ всѣ
свои драгоцѣнныя вещи.

Фердинандъ и Ипполитъ между тѣмъ
пригопновлялись къ отпѣзду ; но имъ
вспрѣпилось жесточайшее прелпятствіе :
какъ выпити ночью изъ замка? Робертъ,
повѣренной слуга Маркиза , всякой ве-
черъ, по его приказанію, запиралъ калип-
ку и прочія ворота въ саду и паркѣ.
Ключи отпосилъ онъ къ себѣ въ комна-
ту , и клалъ ихъ въ желѣзной ящикъ,
нарочно для того опредѣленной. Эпоптъ
Робертъ , старой слуга суроваго нрава ,
человѣкъ, копорого трудно было подку-
пить , мало показавъ надежды всѣмъ
уловкамъ , всѣмъ хипроспямъ. И пакъ
должно было какимъ нибудь обманомъ
взять у него ключи, не навлекая на себя
подозрѣнія.

Сады замка простирались почти до
морскихъ береговъ. Съ сей стороны на-
ходилась калипка, отъ которой разшио-

яніе до берега было не болѣе какъ на спю шаговъ. Ипполипъ , посредствомъ своего камердинера , человѣка распоропнаго и приверженнаго къ своему Господину, приготопвилъ шлюпку, копорую должны были управляшь прое изъ самыхъ вѣрныхъ его людей; въ полночь она должна была находиться проптивъ сей двери, а днемъ спояла въ довольномъ распояніи ошь замка, чшобы не могли имѣть никакого подозрѣнія, еспьли бы кто нибудь, къ несчастію, ее и примѣпилъ.

На сей-то шлюпкѣ наши любовники согласились отпрапиться на пропиволежашій берегъ Калабріи, гдѣ долженъ былъ совершиться бракъ ихъ.

Мы легко можемъ себѣ вообразить, въ какомъ положеніи проела Юлія послѣдній день , предспавляя , что ей должно было разлучиться надолго , а можеть бышь и навсегда съ любезною сестрою и съ шоль почтенною наспавницею , какъ Гжа. Менонъ. Каждая ласка, каждой знакъ ихъ вѣжностпи пронзали ее сердце. Юлія

во всякую минуту гопова была прервать молчаніе , которое сама обязалась хранить ; но она торжественно общалась своему брату и любовнику скрывать отъ всѣхъ эту тайну. Если бы это относилось только до нее одной, то вѣрно бы она во всемъ призналась любезной сестрѣ и Гжѣ. Менонъ.

Маркиза повсюду отдавала повелѣнія , касательно приготовленій для церемоніи въ слѣдующій день. Во всѣхъ чертахъ лица ея, во всѣхъ поступкахъ видна была необыкновенная радость. Она не могла скрыть того , что ей весьма хотѣлось кончить поспѣ бракъ , которой со-вмѣстницу ея на вѣки разлучать съ предметомъ ея сирасши.

Среди сихъ приготовленій , съ одной стороны всѣмъ извѣстныхъ , а съ другой скрытыхъ , среди мучительныхъ опасеній , время нечувствительно пропекало , и наконецъ горизонтъ покрылся ночнымъ мракомъ.

Юлія , припворившись нѣскольکو нездоровою , заранѣ проспилась съ Эмилиєю и Гжею. Менонъ. Въ шу минушу , когда уже совсѣмъ предавалась она своему любовнику , еще хонѣла разсуждать о важности сего поступка. Но мы не внимаемъ болѣе гласу благоразумія , когда уже рѣшились слѣдовать гласу любви. Юлія думала , что ей не лзя не исполнить обѣщанія , даннаго Миполипу въ присуствіи брата. Да и что можешъ удержатъ спремленіе пламенной любви въ сердцѣ молодой дѣвушки , особливо , когда она должна была всего лишиться?

Пробило двѣнадцать часовъ. Въ это время согласились они выпити изъ замка. Всѣ ворота сего зданія были заперты. Робертъ прошелъ подъ окномъ Юліи съ связкою ключей , копорыхъ звукъ доходилъ до ея слуха. Она , казалось , видѣла , какъ онъ пошелъ по дорогѣ , ведущей въ ея комнату , и нѣмъ болѣе надѣялась выпити изъ замка.

Вниманіе Юліи безпреспанно устремлено было на дверь ея комнапы; каждую минушу она отворяла ее и шопчасъ опань зашворяла; каждую минушу ей казалось , что шелъ Миннолипъ съ ея брапомъ. Слышала ихъ шаги, различала слова; но до сихъ поръ она на самомъ дѣлѣ ничего не слышала и не видѣла. Обманчивое воображеніе представляло ей тѣ предметы , которыхъ совсѣмъ не было. Нисодно живое существо не подавало знаковъ своего существованія. Въ окно Юліи, которое она отворяла нѣсколько разъ , ничего болѣе видно не было, кромѣ мрачной ночи, носившихся въ атмосферѣ облаковъ , и тѣни отъ ближнихъ деревьевъ , которые еще болѣе увеличивали густой мракъ, царствовавшей во всей Природѣ.

Колоколь на башнѣ , медленно показывалъ печеніе времени , между полуночью и часомъ ; но еще никто не приходилъ. Въ эту минушу любовница Миннолипа думала, что ей измѣнили по какому нибудь случаю, или, можетъ быть,

и совсѣмъ ее оставили молодые ее покровишели. Она находилась въ чрезмѣрномъ уныніи ; ни одной слезы не показывалось на прекрасныхъ ея глазахъ ; мрачное опчаяніе овладѣло ея душою, — какъ наконецъ услышала , что кто-то идетъ по коридору.

Сердце ея дало ей знать , что это были Фердинандъ и Ипполитъ. Они остановились подлѣ двери ея комнаты. Юлія, опчаянная Юлія , въ чрезмѣрной радости бросилась въ объятія къ своему брату , и съ восхищеніемъ прижала его къ груди своей.

Спешь нѣжныя ласки назначены можешь быть были для Ипполиста. Такъ спешливостъ умѣетъ скрывать , подъ завѣсою чистой и святой дружбы, живѣйшій восторгъ любви! Ипполитъ, взявъ Юлію за руку, сказалъ : « Поедемъ , нѣжной другъ мой! удалимся изъ сего жилища. Ключи у насъ ; мы съ великою прудностию могли доспавать ихъ. Малѣйшее медленіе можешь погубить и разлучить

нась навсегда.» — Тутъ Фердинандъ взялъ связку съ плащемъ, которе Юлія приготовила для себя въ дорогу. Ипполитъ взялъ за руку Юлію, — всѣ трое вышли, и заперли за собою дверь. Въ молчаніи шли они по галлерей. Проходя мимо комнатъ сеспры своей и Гжи. Менонъ, Юлія не могла владѣнь собою — горестный вздохъ вылетѣлъ изъ ея груди. Должно было бѣжать, или невозвратно подвергнуться жеспочайшей учаспи.

Изъ галлерей прошли они въ большую залу. Потомъ взошли въ одинъ переходъ, ведущій въ самое отдаленное въ замкѣ мѣсто, гдѣ находилась маленькая дверь для выхода, изъ которой, какъ скоро бы вышли, оставалось имъ только дойти до берега.

Въ концѣ перехода была лѣстница, ведущая на дворъ. Едва съ нее они сошли, какъ послышался великой шумъ, которой производилъ изъ залы, или изъ галлерей. Сей необыкновенный шумъ, въ глубокую полночь, придалъ крыльямъ милымъ

нашимъ бѣглецамъ; они бѣжали изъ всей силы; но дверь была заперта, и они остановились.

Фердинандъ, у котораго были ключи, почти всѣ ихъ щещино перепробоваль, наконецъ нашелся одинъ, копорой входилъ въ замокъ; почему и надѣялись, что онъ точно былъ пошъ самой, копорымъ опирали сию дверь. Но онъ или опширалъ не шакъ, или пружина въ замкѣ заржавѣла, шолько ключъ вертѣлся, и не лзя было опперешъ замка.

За шумомъ, копорый они слышали, послѣдовалъ спукъ, подобной шому, когда ломають двери. Они догадывались, что эша дверь была въ залу. Фердинандъ удвоилъ усиля; но ключъ вдругъ переломился въ замкѣ. Въ шужъ минушу шумъ прекратился — и мрачное безмелвіе повсюду царствовало.

Юлія чрезвычайшо испугалась. Во все шо время, пока Фердинандъ опширалъ замокъ, она держалась за него; и наконецъ успокоилась, когда спукъ прекратился.

Ипполитъ, желая узнать, откуда происходила сей шумъ, вошелъ въ коридоръ, и хопѣлъ уже пройши въ большую залу; но едва сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по коридору, какъ шумъ снова начался еще сильнѣе прежняго. Онъ очень ясно слышалъ попопъ и крикъ; слышалъ, какъ отворяли и запоряли двери. Безпокоясь болѣе объ участи Юліи, нежели о самомъ себѣ, онъ съ поспѣшностію возвратился къ двумъ своимъ спутникамъ. Желая помочь Фердинанду, отворилъ дверь; преплпствовавшую имъ уйши, Ипполитъ спрашно попрясь ее на крючьяхъ.

Ипполитъ и Фердинандъ удвоиваютъ свои усилія. Замокъ разлетѣлся на части, и дверь, опорванная отъ стѣны, открыла для нихъ свободный проходъ.

Они вошли въ нѣкопору родъ сѣней, въ копорыхъ находились при двери. Имъ нѣкогда было разсуждать, чрезъ копорую изъ нихъ выпши; и пакъ они наудачу пошли въ ту, копорая находилась на правой сторонѣ.

«Поспѣвшимъ, любезные друзья, вскричалъ Ипполипъ ; или мы погибли ! Конечно кто нибудь намъ измѣнилъ , и за нами шеперь гонятся.»

Оспавалось отворить еще одну дверь, чпобы выпши на послѣдній дворъ. Фердинандъ прибиралъ ключъ ; между нѣмъ время быспро пропекало. Съ минушы на минушу они ожидали , чпо ихъ кто нибудь заспанеть.

Однакожъ шумъ въ замкѣ опять прекрапился. Послѣдовавшая за нимъ шишина нѣкопорымъ образомъ ихъ успокоила.

Они думали, чпо огонь, копорой имѣли съ собою , можеть имъ измѣнить. Почему Фердинандъ, какъ скоро прибралъ ключъ, спряпалъ фонарь подъ плащъ; потомъ вложилъ ключъ, и съ скоростію его повернулъ. Замокъ отпертъ безъ пруда, и дверь отворилась. Они выходятъ на послѣднюю площадь , копорую должно имъ было пройти , чпобы достигнуть двери для выхода изъ замка.

Сіе мѣсто, заваленное хвороспомъ камнями и щебнемъ, казалось непроходимымъ; ужасная темнота тамъ царствовала. Однакожь должно было пройти черезъ него. Но чего не могутъ преодолѣть свое несчастныхъ, одушевляемыхъ въ одно время любовью, надеждою и страхомъ!

При семъ случаѣ Юлія показала столько же неуспрашимости, какъ и двое ея спутниковъ. Она преодолѣла множество препятствій, и наконецъ они съ послѣдностію достигли рѣковой двери, отъ которой оставалось только сдѣлать нѣсколько шаговъ — и наша героиня была бы на берегу и на шляпкѣ.

По случаю, которой почивали они для себя счастливымъ, дверь была нѣсколько опворена. Ипполитъ вышелъ первый, подавая руку Юліи. Но едва выступилъ за дверь, какъ нѣкто съ яростию, испустивъ страшный крикъ, бросился на него, и шпагою пронзилъ ему насквозь грудь. Несчастной молодой человекъ въ одно

мгновеніе упадаешъ на землю съ сими словами: «Я умираю!»

Такъ погибнушь всѣ вѣроломные измѣнники ; вскричалъ попомъ убійца. Успрашенная Юлія упадаешъ безъ чувствъ подлѣ умирающаго своего любовника.

Фердинандъ хопѣлъ опимспипъ за своего друга. Со шпагою въ рукѣ уже успремился на злодѣя , поразившаго любовника сестры его ; но вдругъ цѣпенѣеть опъ страха; сей убійца былъ его опецъ — Маркизь Мадзини!

Фердинандъ посредствомъ фонаря, копорой до пѣхъ поръ держалъ подъ плащемъ и копорой попомъ поднесъ къ лицу сего незнакомца, увидѣлъ сію жеспокую и спрашную испину.

Шпага выпала изъ рукъ его. Множесиво перзательныхъ мыслей , и ужасная карпина , копорую имѣлъ онъ передъ глазами, нерѣшимоспъ, въ копорую привела его сіе неожиданное явленіе, сдѣлали его совершенно безчувспеннымъ.

За Маркизомъ слѣдовало множество вооруженныхъ служителей, которые, въ случаѣ нужды, должны были подать ему помощь. Онъ приказалъ имъ поднять Юлію и схватить Фердинанда; они оба опведены были въ замокъ. Что касается до Ипполита, то Маркизь щипалъ его мертвымъ, и потому не слишкомъ въ разсужденіи его заботился.

Но камердинеръ сего молодаго несчастнаго человѣка, который съ самой полуночи ждалъ своего Господина, услышавъ шумъ, скоро прибѣжалъ на мѣсто, въ ту самую минуту, когда Ипполитъ пораженъ Маркизомъ.

Сей послѣдній позволилъ ему взять Ипполита, что онъ и сдѣлалъ съ помощію двухъ гребцовъ, которые также на шумъ прибѣжали. Они положили его въ шлюпку, и тогда же часъ поплыли къ берегамъ Италіи.

По повелѣнію Маркиза, Фердинанда опвели въ самой верхъ башни замка, а Юлія опнесена въ небольшую опдаленную комнату.

Какъ скоро открыла она глаза , то увидѣла , что комната , въ которой ее заключили , очень походила на пюрму , которой она до сихъ поръ совсѣмъ не знала. Спашное опчаянїе поселилось въ душѣ ея; но ея горничная, которой Маркизь позволилъ раздѣлять горестъ Госпожи своей въ заключенїи, сколько возможно, спаралась утѣшать ее.

«Ахъ! любезная Роза, вскричала Юлія; гдѣ я? что съ ними сдѣлалось? Я ихъ лишилась навсегда! Ты одна меня не оставила!»

«Я вамъ почти ничего сказать не могу , сударыня , отвѣчала вѣрная Роза. Подъ непроницаемою завѣсою тайны сокрыты всѣ сіи произшествія. Фердинандъ, вашъ брапецъ, заключенъ въ башнѣ. Говорящъ о смерпи какого-то чело-вѣка. Вашъ бапюшка никого не хочетъ видѣть. Завпра (сказаль онъ при мнѣ) я избавлюсь опъ непокорной и виновной дочери; завпра выдепъ она за Герцога Луово; я самъ повлеку ее къ олпарю!»

И такъ участь моя извѣстна ; мнѣ остается призывать только смерть къ себѣ на помощь ! горестно восклицала Юлія. Попомъ опворопилась, и не внимала ушѣшеніямъ Розы; дневной свѣшпъ сдѣлался для нее ненависпнымъ. Тщепно вѣрная, горничная хотѣла раздѣлишь печаль ; Госпожа ея была безушѣшна. Удручавшее нещаспие, казалось , лишило ее разума и поглопило , такъ сказашъ, всѣ душевные ея способности.

Сколько ни спарался Маркизь скрывать произшеспвія предъидущей ночи ; но едва наспалъ день, шо въ замкѣ всѣ до одного человекъ о помъ узнали. Служипели, провожавшіе Маркиза, говорили безъ всякаго опасенія о помъ, что видѣли. Почши всѣ были увѣрены, что вѣроломный Роберпъ, у котораго обыкновенно находились ключи , рассказалъ все ошцу Юліи , и опдалъ нѣкопорые ключи Фердинанду, не иначе какъ съ согласія Маркиза, дабы шѣмъ удобнѣе увѣришься о ихъ намѣреніи!

Эмилиа какъ скоро узнала, что несчастная ея сестра заключена въ башнѣ, поспѣшь побѣжала къ своему отцу просить позволенія съ нею увидѣться и усладить ея горести своими слезами. Маркизь съ грубостію отказалъ ей въ томъ, велѣлъ возвратиться въ свою комнату, и не беспокоить его впредь своею нескромностію. Со слѣзливнымъ отъ горести сердцемъ Эмилиа повиновалась безчеловѣчному сему приказанію. Видя сестру свою въ несчастіи, она сколько спрадала, что никакъ не думала дѣлать ей упреки въ томъ, что не предвидѣла ея о своемъ бѣгствѣ, которое должно было разлучить ихъ, можетъ быть, навсегда.

Юлія, погруженная въ ужасное опечаленіе, никого подлѣ себя не видала. кромѣ своей горничной дѣвки и вѣроломнаго Роберта, который два раза въ день приносилъ имъ необходимую пищу; она предавалась всей горести, не могла ожидать ничего болѣе, кромѣ ненавистнаго

для нее брака , и думала , какимъ бы образомъ лишить себя жизни. Мупные ея глаза изображали сильное опчаніе; а печальныя мысли , копорыми она безпреспанно занималась , нечувспвишельно приводили ее къ совершенному сумасшествію. Роза не могла смопрѣшь на молодую свою Госпожу , не проливая слезъ. Самъ Роберпъ , при всей своей преданности къ Маркизу , когда вошелъ къ Юліи въ комнату , опврапилъ свой взоръ опъ нее , опасаясь , чпобы не показашь движенія своего сердца.

Фердинандъ , заключенный въ самомъ верху башни замка , перялся въ догадкахъ о причинѣ спрашной , случившейся съ ними перемѣны. Не уже ли измѣнилъ Роберпъ , копорый показывалъ къ нимъ великую приверженность? Опъ , казалось , щипалъ за щастіе , что могъ оказашь услугу Юліи , копорую обыкновенно называлъ молодою своею Госпожею ; онъ всегда показывалъ себя исполненнымъ особенной рѣвности къ меньшей Ферди-

нандовой сестрѣ. Можесть быть, Маркизь обольстиль его значною суммою, или Роберсть былъ самой вѣроломной человѣкъ.

Попомъ думаль о будущей своей участи, предспавляль жестокія мученія, какимъ должна подвергнувшись Юлія, и прагическую смерть своего друга, Ипполипа. Маркизь Мадзини, самовласпный Господинъ въ своихъ помѣспяхъ, имѣя право казнисть своихъ подчиненныхъ, и не давая въ помъ никакого опчета вышней власпи, чрезмѣрно злопамяпный, неукротимый во мщеніи, какой приготавлиль ударъ, чпобы поразисть непокорныхъ своихъ дѣпей!

Злополучный Фердинандъ разсуждалъ также и о помъ, чпо самъ, можесть быть, былъ причиною, что они опоздали выписти изъ замка. За четверистъ часа до полуночи, Роберсть спдалъ имъ обѣщанные ключи. Они ждали, пока всѣ заснушь, и черезъ часъ уже пошли къ Юліи. Въ сіе время Маркизь извѣщенъ былъ а

ихъ намѣреніи; а естли ему о помѣ не сказали, по самъ, можетъ бытъ, увидѣлъ ключи. Такимъ образомъ они, желая обезопасить свой побѣгъ, сами были причиною смерти Ипполита, и того, что ихъ захватили.

Какъ скоро Маркиза узнала о смерти сего любезнаго для нея челоуѣка, пошчасъ почувствовала ояпъ въ себѣ шу пламенную спрасъ, копорю недавно къ нему старала. Сѣпованіе о его смерти на нѣсколько времени загнуило мѣспо обыкновеннаго ея бѣшенства. Ея воображеніе безпрестанно предспавляло ей прелестной Ипполитовъ спанъ и очаровательныя черпы лица. Тягоспная мысль, что навсегда его лишилась, раздирала ея сердце. Но вскорѣ злота ояпъ поселилась въ душѣ ея. Она успремилла ея на Юлію, злощаспную свою соперницу. Всю свою власпъ надъ Маркизомъ употребляла она на то, чтобы ожеспочить его прошивъ Юлію — сей жерпвы ревности и честпалюбія.

Г Л А В А V.

Наконецъ насталь день — споль спраш-
ный для Юліи и споль нешерпѣливо
ожиданный опцемъ ея, Маркизою и Гер-
цогомъ Луово.

Еще болѣе увеличило ея горестъ на-
мѣреніе Маркиза, праздноваць бракъ ея
со всевозможнымъ великолѣпиемъ и пыш-
носпію.

Все окрестное Дворянство было при-
глашено, и собрано многочисленное ду-
ховенство. Для пригопвленій къ свадьбѣ
изъ Неаполя призваны художники всякаго
рода. По окончаніи брачной церемоніи,
назначено даць пышной обѣдъ, а послѣ
великолѣпный балъ.

Фердинандъ изъ башни, въ которой
былъ заключень, слышалъ смѣшанной
шумъ въ замкѣ. Въ десяць часовъ упра-
вѣ дворы замка наполнились лошадьми
и повозками окрестныхъ Дворянъ. Всѣ
рѣшочки были ошкрышы. Какъ скоро

возвѣспили прибытіе Герцога Луово и его свиты, по Маркизь и его супруга вышли къ нему навстрѣчу, чптобы принять его съ опимѣнными почестями.

У всѣхъ на лицахъ изображалась радость. Всѣ сосѣдніе Дворяне знали Фердинанда; имъ шакже извѣстно было, чпто онъ долженъ бытъ въ замкѣ. Нѣкоторые изъ нихъ, не видя его при брачномъ торжествѣ сестры своей, спрашивали Маркиза о причинѣ его отсутствія. Но Маркизу не трудно было удовлетворить ихъ любопытству, и всѣ гости, обыкновенные друзья, довольны будучи его пріемомъ, упоенные напередъ пѣми удовольствіями, которыя для нихъ были приготовлены, развлекаемые пысячью различныхъ предметовъ, весьма мало заботились о Фердинандѣ, а скоро и совсѣмъ о немъ забыли.

Когда же Герцогъ Луово и прочіе посѣпители нѣсколько отдохнули послѣ дороги, по началась церемонія. Прелатъ, которому надлежало совершать бракъ,

съ прочимъ , сопровождавшимъ его духовенствомъ , вошелъ первый въ домовую церковь замка. Вскорѣ попомъ свинна Дворянства обою яла прибыла шуда же съ чрезвычайною пышностію.

Маркизь вышелъ изъ залы , сказавъ Герцогу, что предсавитъ ему будущую его супругу. Онъ прямо пошелъ къ поймакомнати, или, лучше сказать, пюрмѣ, въ которой Юлія была заключена. Маркизь былъ очень увѣренъ, что тамъ найдеть свою жертву. Ничто не могло сравниться съ радостію Маркизы. Она уже почти опмспила своей соперницѣ ; но побѣда гордости и злобы была еще далека отъ своего исполненія !

Юліи не было въ комнатѣ. Тщепно Маркизь искалъ ее по всѣмъ угламъ покоя ; тщепно ее кликалъ : никто не отвѣчалъ. Даже горничная, вѣрная Роза, исчезла вмѣстѣ съ своею Госпожею.

Маркизь пришелъ въ чрезвычайное бѣшенство. Сомнѣваясь еще въ непонятномъ побѣгѣ Юліи, усугублялъ свои по-

иски не только въ ея комнатѣ, но и во всѣхъ, поблизости находившихся покояхъ. Онъ совсѣмъ позабылъ, что его ожидали, и что его медленіе могло показаться обиднымъ какъ для Герцога, такъ и для прочихъ госпей.

Раздраженный Маркизь перебралъ всѣхъ служившій, одного за другимъ. Едва давалъ имъ время отвѣчать на его вопросы; но ничего узнать не могъ, кромѣ того, что во весь этотъ день Роза не показывалась въ дѣвичьей комнатѣ.

Прежде всего поразило взоры Маркиза, когда вошелъ онъ въ покой своей дочери, брачное платье, которое Маркизь наканунѣ того дня послалъ къ ней. Оно было разложено по софамъ и кресламъ.

Онъ бросился къ ея постели и сползнулъ на маленькой столикъ; что и заставило его на него взглянуть. На немъ увидѣлъ онъ запечатанное письмо съ надписью: *Сестрѣ моей Эмили*. Онъ схватилъ его, тотчасъ распечаталъ и читалъ слѣдующее:

«Прощай, любезная сестрица, нѣжная и чувствительная Эмили! Можетъ быть, мы никогда не увидимся. Я повергаюсь въ ужасное несчастіе; но оно вѣрно не жестоко е того, которое мнѣ угрожало. Меня ожидаетъ блаженство, или мучительное бѣдство, продолжительная надежда, или опчаяніе. — Какая бы участь ни была твоя и сестры твоей, не забывай Юліи. Она будетъ любить тебя вѣчно. Для нее очень горестно разлучиться съ тобой . . . Въ какую часъ свѣта ни повлечетъ судьба Юлію, она никогда не переменится; всегда будетъ просить Бога, чтобы Онъ отвратилъ отъ тебя несчастія, которыми угнетаютъ злополучную твою Юлію.»

Маркиза, не понимая, отъ чего мужъ ея такъ долго не возвращается, оставила Герцога и бросилась по лестницѣ прямо къ Юліиной комнатѣ. Маркизь въ это время читалъ письмо. Онъ уведомилъ о бѣгствѣ ея соперницы. Маркиза въ шубѣ минуша сходитъ внизъ и

приказываетъ , чшобы какъ можно тща-
 тельнѣе осмопрѣли весь замокъ. Слухъ
 о побѣгѣ Юліи распросстраняется по-
 всюду; скоро узнаешь о томъ собравше-
 еся въ церквѣ Дворянство. Въ замкѣ
 происходитъ всеобщее смятеніе. Изъ
 церкви опять пришли въ большую залу.
 Произшествіе было споль спранно, что
 никто не зналъ, что объ немъ думашь;
 не знали, какъ умѣшашь Маркиза, и ка-
 кія дѣлашь заключенія. Молчаніе , при-
 нужденность и всеобщая печаль скоро за-
 снутили мѣсто радости и смѣрихъ шу-
 покъ, копорыя занимали госпей за нѣ-
 сколько предъ симъ минушь.

Маркизь разослалъ множеству служи-
 телей на самыхъ лучшихъ лошадяхъ изъ
 своей конюшни по разнымъ дорогамъ, съ
 шѣмъ , чшобы они какъ можно спара-
 лись открышь убѣжище бѣжавшей его
 дочери. Попомъ призвалъ Эмилию, от-
 далъ ей письмо, и велѣлъ шунъ же про-
 чешь его. Онъ надѣялся увидѣшь изъ
 лица ея , извѣспень ли ей побѣгъ ея

сестры. Но черты лица ея ничего болѣе не изображали, кромѣ чрезмѣрной гореспи, и Маркизь обманулся въ своей надеждѣ.

Призвалъ Роберта; но и онъ всегда такъ ошвѣчалъ, что никакъ не лзя было обличить его. Однакожь Маркизь приказалъ посадить его въ шюрму замка.

Наконецъ оняпъ началъ осмашривашъ покой. Та комнаша, въ которой заключена была Юлія, находилась въ самой возвышенной части замка, ошъ земли на восемьдесятъ фушовъ. Окны были съ рѣшенками и съ желѣзными запорами. Кромѣ Роберта шуда никпо не могъ ходить. Фердинанду и Ипполипу не лзя было никакой подапъ помощи Юліи. Первый заключенъ былъ въ шюрмѣ замка, ошъ которой ключи всегда хранились у Маркиза; а послѣдній поплылъ къ берегамъ Калабріи или мерпвый, или по крайней мѣрѣ при смерти. И такъ ни кшо не могъ понять, и даже не лзя было сдѣлать ни одной основательной

догадки , какимъ образомъ Юлія могла уййти въ другой разъ.

Опть Герцога Луово не возможно было скрыть, что будущая его супруга удалась изъ замка , дабы избѣжать шѣхъ узъ , копорыя для нее были назначены. Маркизь разсказаль Герцогу, какимъ образомъ Юлія вмѣстѣ съ своимъ бранюмъ и Ипполитомъ хопѣла спастись бѣгствомъ за нѣсколько дней передъ симъ ; какія успрѣпились имъ препяпснвія ; разсказаль также о прагической смерти ея любовника, и наконецъ о ея заключеніи, къ которому осудиль ее какъ для наказанія , такъ для предосторожности въ разсужденіи вѣпорого бѣгснва.

Герцогъ , какъ хорошо ни былъ расположенъ къ Маркизу , но споль явная къ нему ненависть была чрезвычайно несносна для его самолюбія. Онъ жестоко оскорбился ; весь свой гнѣвъ успремиль прошивъ самага Маркиза ; выговариваль ему, что его безспыдно обманули , что онъ спаль шенерь игрушкою безразсуд-

наго робенка и посмѣяніемъ Провинціи ; даже явно бранилъ его въ самыхъ извипельныхъ словахъ. Маркизу эпо показалоь колко: онъ не хопѣлъ усипупипь Герцогу. Ссора могла бы имѣть очень важныя слѣдствія, есптьли бы многіе изъ госпей не спарались всѣми силами примипшь ихъ. Они скоро согласиплись соединипшь свои усиплія, чпобы найпши непокорную Юлію. Опецъ далъ слово веспип ее къ олтарю и вручипшь Герцогу, какъ скоро ее опыщупшь. Герцогъ все еще надѣялся получипшь руку молодой, любезной дѣвпцы , копорая обнаружпвала споль явное къ нему опвращеніе. Въ свою жпзнь сполько показалъ онъ опыповъ нечувсппвпшельности, презрпшельнаго упорспва и надмѣнноспп, чпо нпкто не удпвлялся подлымъ его поступкамъ и самому ожеспоченію пропшвъ Юлію.

Для Маркпзы бѣгспво Юлію было не менѣе досадно. Она спеперь лпшплась почппи всей надежды наказашъ свою сопернпцу, — соединпвъ ее ненавпсптными

узами съ Герцогомъ. Съ другой стороны Маркиза не могла перпѣшь Гжи. Менонъ, пошому что чеспные ея нравы, благсразумное поведеніе и любезная тихоспѣ дѣлали разипельное прошивоположеніе испорченнымъ нравамъ и распущспву Маркизы. Порокъ уважаетъ добродѣпель; но онъ всегдашій ея непріятель!

Чтобы удовлетворишь своей ненависти къ Гжѣ. Менонъ и вмѣспѣ злобѣ къ ея воспитанницѣ, Маркиза спаралась внушитъ своему супругу, что Гжа. Менонъ безъ сомнѣнія была извѣспна и прежде о побѣгѣ Юліи, и что можетъ быть помогала ей въ этомъ случаѣ.

Такія догадки Маркизу показалиь споль основапельными, что онъ пошчасъ призвалъ Гжу. Менонъ, и началъ дѣлатъ ей грубые и колкіе упрски. Но испинная добродѣпель пакъ сильна, что почпенная наспавница въ немногихъ словахъ смѣшала своихъ обвинителей. Самыя подозрѣнія для нее были несосна; она объявила Маркизу, что не хочетъ болѣе

быть въ замкѣ , и не желаетъ имѣть никакого сообщенія съ людьми, которые спольнесправедливо могли подозрѣвать ее.

Маркизь , спыдясь своей легковѣрности , и ясно видя несправедливость своихъ догадокъ , спарался извиняться и ласками загладить обиду Гжѣ. Менонъ , имъ нанесенную. Какъ скоро онъ увидѣлъ , что ему должно съ нею разлучиться , живо представилось ему все то , чѣмъ онъ ей обязанъ. Ему очень много спило о пруде упростишь Гжу. Менонъ , чтобы она оспалась въ замкѣ. Она сказала , что соглашаенся у нихъ оспанься только для того , что не можешь разлучиться съ воспитанницею своею — Эмилиєю.

Слуга , находившійся при Фердинандѣ въ шюрмѣ , по своей нескромности , уведомиль его о побѣгѣ Юліи. Это извѣщеніе облегчило нѣкоторымъ образомъ обвиненныя его горести. Но какъ несчастные иногда представляютъ себѣ болѣе худыхъ , нежели хорошихъ слѣдствій : по мысль , что Юлія одна , безъ

всякой помощи, безъ убѣжища, раздира-
ла сердце Фердинандово , и заключеніе
его казалось ему вдвое несноснѣе преж-
няго.

Наконецъ служивели Маркизовы воз-
вратились въ замокъ безъ всякаго объ
Юліи извѣстія. Они снова были разо-
сланы по другимъ дорогамъ; но не болѣе
имѣли успѣха. Цѣлыя недѣли , цѣлые
мѣсяцы прошли въ тщетныхъ и без-
преспанныхъ поискахъ. Маркизь отпра-
влялъ даже нарочныхъ въ разныя помѣстья
Графа Верезы, и въ близъ находившіеся
оупь нихъ города. Но и сіи не имѣли
никакого успѣха, и не могли ничего ска-
зать, кромѣ того, что Графъ съ шѣхъ
лоръ, какъ удалился изъ Неаполя, болѣе
памъ не появлялся, и никшо не зналъ ,
когда оупь возвратится.

Новой ужась увеличилъ еще болѣе
смяпеніе въ замкѣ. Одинъ служивель ,
которой позже другихъ въ эту ночь шелъ
спать, сходя съ большой лѣспяницы въ
коридоръ , увидѣлъ въ ошпынное окно

свѣтъ въ необитаемой части замка ; безъ сомнѣнiя въ шумъ полуденномъ опдаленiи, въ которомъ, какъ мы уже сказали, по ночамъ являлись привидѣнiя.

Онъ остановился, чтобы разсмотрѣть его. Потомъ побѣжалъ за прочими служивыми, чтобы и ихъ сдѣлать свидѣтелями сего чуда. Они приходили, исполненные любопытства и страха ; и едва успѣли взглянуть на окно, какъ свѣтъ исчезъ.

Нѣсколько минутъ спустя, они услышали шумъ въ одной двери, и даже видѣли, сколько позволяла ночная темнота, какъ отворилась дверь на дворъ. Оптуда вышелъ нѣкоторый видъ челоука съ фонаремъ въ рукѣ. Это привидѣнiе, или можетъ быть живое существо, пошло вдоль по стѣнамъ замка, и скрылось за первый уголъ, мимо котораго должно было проходить ему.

Съ безмолвнымъ страхомъ всѣ служивые разошлись по своимъ покаямъ. Каждый себѣ представлялъ различныя

обстоятельствва, имѣющія связь съ симъ происшествіемъ. Всѣ знали, что Эмилія, Юлія и сама Гжа. Менонъ просили у Маркиза позволенія перемѣнить свои покои, и что печальныя сцены и почныя привидѣнія были пому причиною. Всѣ сіи подробности спрахъ еще болѣе увеличивалъ. Всякой, кто только былъ свидѣтелемъ послѣдняго ночнаго явленія, оспанпокъ ночи проводилъ въ безпреспанномъ ужасѣ.

На другой день всѣ собрались въ кухню. Разсказывали другъ другу не только то, что видѣли, но и то, о чемъ воображали. За симъ послѣдовали разсужденія и спрашныя догадки. Тѣ, которые болѣе другихъ боялись, утверждали, что въ замкѣ жить не возможно; что рано или поздно духи овладѣютъ имъ, и умертвятъ всѣхъ ихъ, которые захопятъ въ немъ оспанься. Наконецъ заключили, что имъ должно просить оппуску у Маркиза, дабы предупредить такое зло.

Поупру большая часть изъ нихъ по и сдѣлала.

Маркизь , видя , что почти всѣ служители оставили его , хотѣлъ узнать пому причину. Одинъ изъ оставшихся въ замкѣ сказалъ ему объ ней. Съ начала онъ крайне удивился , и даже пришелъ въ нѣкоторое смущеніе. Но потомъ часъ ободрившись , сдѣлалъ выговоръ всѣмъ служителямъ замка. Однимъ за то , что распускаютъ такіе спранные слухи , а другимъ , что они имъ споль слѣпо вѣряютъ. Сверхъ того сказалъ еще : «Я беру на себя искоренишь всѣ эти луспые спрахи. Очень ясно покажу вамъ , сколь неслѣпы всѣ химеры и басни , которыя споль много дѣлаютъ вамъ безпокойства. Сего дня въ одиннадцать часовъ вечера соберитесь всѣ въ большую залу. Вы пойдете со мною осматривать всю полуденную часть замка. Ни одного угла не оставимъ , не осмопрѣвши самымъ тщательнымъ образомъ. И потомъ , кто послѣ такихъ поисковъ будетъ еще

бояшься , не можешь назваться челоѣкомъ , и я съ безчестіемъ выгону пого изъ замка.»

Гжа. Менонъ и Эмилиа, узнавъ о всѣхъ эпихъ подробностяхъ , съ неперѣбніемъ ожидали пого времени , когда кончатся сїи поиски ; имъ давно уже хотѣлось знашь , что значать ночныя привидѣнія.

Вечеромъ всѣ служилели, по приказанію Маркиза, собрались въ большую залу. Имъ велѣно было взять съ собою множество фонарей — и Робертъ съ ключами пошелъ впереди. Маркизь слѣдовалъ за нимъ въ провожаніи опъ десяти до двенадцати слугъ.

Съ начала велѣлъ онъ опворить створчатую желѣзную рѣшетку, чрезъ копорую должно бы иппи на одинъ внушрешней дверь , заросшей высокою правою, что и доказывало, что уже нѣсколькo лѣтъ никто не ходилъ шуда. Прощедъ весь дворъ, они достигли до главной двери полуденнаго строенія.

Съ великимъ трудомъ Робертъ вложилъ ключъ въ большой замокъ, на ней висѣвшій. Всѣ пружины отъ ржавчины были испорчены. Наконецъ онъ опперъ съ чрезвычайнымъ усиліемъ. Дверь опворилась, и спрашно закрипѣла на ключьяхъ; плачевное эхо нѣсколько разъ повпорило спукъ во внупренности. Вошли въ залу, украшенную чернымъ мраморомъ, въ которой за нѣсколько предъ симъ мѣсяцовъ былъ Фердинандъ. Въ ней царствовало мрачное безмолвіе, прерываемое только шумомъ слугъ, сопровождавшихъ Маркиза.

Надѣясь испребитъ весь спрэхъ въ служипеляхъ, и желая укротитъ волненіе ихъ мыслей, Маркизь говорилъ имъ слѣдующимъ образомъ :

«Естьли въ самомъ дѣлѣ обитаютъ адскіе духи въ семь спроеніи, по подождите : пусть они явятся. Приготовитесь даже съ ними сразиться. Кпо хочетъ оспапья въ замкѣ, потъ пусть слѣдуетъ за мною. Всякой другой, удаляясь

опъ сихъ мѣспъ, долженъ скрыватьъ свой спыдъ и малодушіе. Но я надѣюсь, что мнѣ удастся испытать ваше мужество. Неприятель не посмѣетъ показаться. Вы увидите, что онъ не согласится на поединокъ, на котораго я его вызываю.»

Всѣ молчали. Прижимаясь одинъ къ другому, слѣдовали за Маркизомъ съ ужасомъ въ сердцѣ и съ блѣдноспію на лицѣ.

При выходѣ изъ залы, они нашли большую лѣспницу, ведущую въ долгую галерею, въ которой также былъ нѣкогда Фердинандъ. Маркизь, показывая Роберту на одну дверь, находящуюся на лѣвой сторонѣ, сказалъ: «Опори ее, Робертъ. Здѣсь конечно послѣднее убѣжище духовъ. Теперь-по должны вы показать все свое мужество.»

Никто не смѣлъ отвѣчать. Робертъ повиновался его приказанію; но двери оппорить не могъ. Онъ удвоилъ усилія, и даже испортилъ себѣ руку. Всѣ служи-

пели попеременно пробовали отпереть дверь, но всё имѣли равный успѣхъ.

«Спрахъ опнялъ у васъ руки, сказалъ Маркизь. Дайте мнѣ ключъ, и дверь пошчасъ отворится.»

Сказавъ сіе, онъ повернулъ ключъ, но безъ успѣха; потомъ сильно потрясъ дверь на ея крючьяхъ, но также тщетно. Казалось, что какая-то пайная сила удерживала ее съ другой стороны.

«Соединимъ же вмѣстѣ всё наши силы, сказалъ Мадзини къ сопровождавшимъ его. Вдругъ всё ударимъ въ дверь, и вѣрнее мнѣ, что она отворится.»

Служивели, увѣрены будучи, что сопротивление происходило отъ сверхъестественной силы, на сей разъ не хотѣли ему повиноваться. Они всё отступили назадъ. «Это бесполезно, вскричали они; мы теперь увѣрены, что духовъ нупъ нѣтъ. Позвольте намъ удалиться.» —

«Нѣтъ, не позволяю. Первый, кто меня оспавитъ, будешь выгнанъ изъ замка.

Какимъ бы то ни было образомъ, но мы увидимъ, отъ чего дверь не отворяется. Я буду преслѣдовать духовъ даже въ самомъ адѣ, еслили то будетъ нужно!»

Такая швердоссть Маркиза сполько подѣйснвовала на его служилелей, что они къ нему приблизились, и всѣ вмѣстѣ начали спарашься отворить дверь. При первомъ ударѣ спрашный спукъ, копорый, казалось, происходилъ отъ паденія чрезмѣрной пшесни, привелъ ихъ въ прежнй ужась. Эношь спукъ выходилъ извнутри той комнашы, въ котору хотѣли они войти. Пропяжное эхо поснепенно повпоряло нѣсколькo разъ сей непоняпный спукъ.

Туть служилели побѣжали, и не хотѣли слушашь Маркиза. Онъ видѣлъ ясно, что угрозами въ такомъ случаѣ пособить никакъ не лзя; почему и пришелъ къ нимъ самъ. «Вопъ, друзья мои, другая дверь, сказалъ онъ имъ ласковымъ тономъ: чрезъ другіе проходы мы придемъ въ эту комнапу. Безъ сомнѣнія вы

покраснѣете отъ стыда, когда увидите, сколь неосновапелень страхъ вашъ и сколь натурально препятствіе, которое насъ не допускаетъ войти туда.»

Тутъ повелъ онъ ихъ по одному долгому и узкому проходу, находившемуся на лѣвой сторонѣ. Въ концѣ его была лѣстница о четырехъ или пяти ступеняхъ, и вела въ довольно обширной коридоръ; вдоль по коридору представлялись множеству дверей, въ равномъ одна отъ другой распояніи. Маркизь отворилъ одну изъ нихъ; она служила входомъ въ комнату, довольно правильную, но въ которой всѣ украшенія были испорчены отъ сырости и времени.

Комната сія имѣла сообщеніе съ семью или осью другими покаями, довольно обширными, но не менѣе вѣпкими.—Последняя въ семь ряду комната была та самая, у которой они не давно безъ успѣха такъ долго спарались.

Какъ скоро начали они изслѣдовать, отъ чего не отворяется дверь, то не-

медленно увидѣли , что часть обрушившагося пополка была тому причиною , потому что обломки его навалены были подлѣ самой двери , почему и отворить ее было никакъ не лзя . Когда они спу-
чали въ дверь , то камни отъ потрясенія съ великимъ спухомъ отъ нее валились и производили страшной шумъ .

«Теперь вы видите , сказалъ Маркизь сопровождавшимъ его служителямъ — какъ не основательны всѣ ваши страхи . Ободритесь , изслѣдуйте вмѣстѣ со мною причины ихъ , — и узнаете , какъ отъ натуральныхъ и простыхъ началъ происходятъ всѣ явленія , которыхъ щипаете вы за чудеса.»

Всѣ благодарили Маркиза за то , что вывелъ ихъ изъ заблужденія , и не желая ничего болѣе видѣть , просили оставить дальнѣйшіе поиски . «Мы признаемся , говорили они , что не простительно обманывались , и страхъ нашъ происходилъ отъ одного глупаго легковѣрія . —

«Нѣтъ, отвѣчалъ ихъ Господиныхъ, наши поиски еще не кончаны. Естли я хопя одинъ уголь изъ сего спроенiя оставлю, не осмопрѣвъ его съ вами, то и еще можеть случиться, что ваше воображенiе, обманутое новыми призраками, возмутишь оляпъ спокойствiе, которое я намѣренъ утвердить въ замкѣ. И такъ слѣдуйте за мною.»

Говоря такимъ образомъ, онъ повелъ ихъ къ полуденной башнѣ. Изъ сей-то самой башни видѣли они выходившее мнимое привидѣнiе съ зажженою свѣчею въ рукѣ. Сколько ни спарались они быть спокойными, но видъ сей двери привелъ ихъ въ смятенiе, и ужась снова овладѣлъ ими.

«Кто изъ васъ, сказалъ Маркизь громкимъ голосомъ, возмется осмопрѣвъ эту башню? Вамъ самимъ должно преслѣдовать то привидѣнiе, которое вы видѣли, и которое знаете. Этого духъ такъ безчестень, что не принялъ моего вызову и не явился, и я не хочу его знать.»

Спупайте къ нему навспрѣчу; какъ вы одушевлены прежнимъ мужеспвомъ , по покажите , что люди не спрашатся никакихъ духовъ.»

Всѣ опспунили назадъ, прятались одинъ за другаго и хранили упорное молчаніе: «Вы и теперь еще дрожите, бѣдныя пвари! прибавиль Маркизь. По крайней мѣрѣ, Робертъ! пы опвори! сказалъ онъ, показывая въ правую сторону на дверь, находившуюся на нѣсколько шаговъ. Дверь опворена — взорамъ ихъ предспавилось поле — и тогда они вспомнили , что пунъ изчезло привидѣніе.

Дверь опянь заперли, и Маркизь не далеко отъ нея приказалъ опрынь одну опускную дверь, заваленную хворостомъ и камнями, развалившейся лѣспиницы. Какъ скоро весь щебень опгребли, то онъ велѣлъ поднять ее. Эша дверь вела въ подземелье.

Опъ одной ужасной мысли, — погребспи себя въ глубокихъ погребахъ безъ всякаго свѣпа и предашься адскимъ ду-

хамъ , шакъ сказаць , во внушренности земли, леденѣла кровь въ ихъ жилахъ , и всѣ они не хотѣли повиноваться своему Господину. Спрахъ шакъ сильно овладѣлъ ими, что многіе изъ нихъ опѣчали ему , что не видятъ никакой опускной двери, находившейся подъ ихъ ногами.

«Довольно! Оставимъ свои поиски, опѣчалъ Маркизь; безчеловѣчно будетъ , ешьли я не покажу снисхожденія къ вашей слабости. То, что я для васъ сдѣлалъ, должно, кажется мнѣ, увѣришь васъ, сколь не основательны ваши спрахи, опъ ночныхъ явленій происходящія , и что они совсѣмъ не существуютъ на свѣтѣ. И шакъ я дѣлаю для васъ по удовольствію , что не хочу османривать подземелья. Но ешьли кто нибудь еще изъ васъ сомнѣвается, прошъ пусть скажетъ мнѣ, и я готовъ сойти съ нимъ вмѣстѣ въ подземелье , и увѣришь его , сколь онъ глупъ и легковѣренъ!»

Никто не показалъ ни малѣйшаго сомнѣнiя , всѣ благодарили Маркиза за его снисхожденiе и тѣ безпокойства, которыя онъ для нихъ предпринялъ. Увѣряли его, что они имъ довольны , и не хотящъ видѣть ничего болѣе.

И такъ, не говоря ни слова, всѣ пошли назадъ по той же дорогѣ, по которой пришли къ подъемной двери. Всѣ оппертыя двери были опять заперты, и Маркизь опо всѣхъ бралъ къ себѣ ключи. Какъ скоро заперли главную рѣшешку сей часни замка и пришли въ большiя сѣни , то Маркизь распустилъ всѣхъ и возвратился одинъ въ свои покои. Каждой удалялся въ свою комнату; но все еще не съ спокойнымъ духомъ.

Какъ ни старались опкрыть убѣжище Юлии , но все было бесполезно. Тщепно Маркизь нѣсколько разъ посылалъ не только въ окрестныя мѣста, но и въ самыя опдаленныя Провинции. Его негодование возраспало день опо дня болѣе. Онъ все еще былъ увѣренъ , что

Эмилиі извѣспенъ былъ напередъ побѣгъ сестры ея, и попому поскупалъ съ нею очень худо. Онъ опдалъ приказаніе , не выпускашь ея изъ комнапы до пѣхъ поръ , пока не скажеть того , чпо она знала, или пока Юліи не опыщунъ.

Одно упѣшеніе Эмилиі соспоало въ обществѣ Гжи. Менонъ. Она никогда не оспавляла ея и самыми нѣжными выраженіями услаждала ея горестъ. Жребій любезной Юліи былъ единспвеннымъ предметомъ ихъ печальныхъ разговоровъ. Юлія никогда — съ сааго младенчества — не выходила изъ замка. Теперь удалившись безъ опыщности , безъ покровипелей , какой помощи могла она ожидать!

Въ одинъ день , какъ онѣ , сидя у окна въ своей комнапѣ, разговаривали между собою, вдругъ увидѣли служипеля замка, безъ памяти прискакавшаго. Лошадь его была вся покрыша пѣною. Онъ побѣжалъ къ Маркизу, и черезъ нѣсколькo минушь всѣ узнали, чпо Юлія найдена; — чпо

она скрывается въ нѣкоторой хижинѣ , среди Маренпинскаго лѣсу , около 12 миль распоянїемъ опѣ замка Мадзини, — и чпо молодой , прекрасной человѣкъ , провожаетъ ее и не оспавляетъ ни на одну минупу.

Сїе послѣднее извѣспїе изумило Маркиза. Ипполитъ умеръ ; Фердинандъ заключенъ! Кпо же эшопъ молодой человѣкъ?

Онъ пошчасъ приказываетъ осьмерымъ , самымъ сильнымъ своимъ служипелямъ взять хорошихъ лошадей , — вооружипься шпагами и писполешами , и , не теряя ни минупы , скакапъ въ хижину Маренпинскаго лѣсу , подъ предводипельствомъ прежняго курьера , котораго Маркизь за первые его успѣхи наградилъ кошелькомъ съ золопомъ.

Между тѣмъ Герцогъ Луово , возвратипшись съ охопы въ замокъ , рѣшилса присоединипься къ нимъ. — Топшчасъ по скакали во весь опоръ. Герцогъ Луово , обѣщая непомѣрныя награжденїя , побуж-

даепъ своихъ людей презирапъ всѣ опасности , только бы испоргнуть Юлію изъ рукъ ея похищителя и привезти въ замокъ.

День склонялся уже къ вечеру , когда они выѣхали. Черезъ два часа достигли до лѣсу. Дорога , ведущая къ хижинѣ , была очень узка , и лежала сквозь густой и древній боръ. Глубокой мракъ царствовалъ повсюду. Ничего не слышно было въ опдаленности , кромѣ плачевнаго крику ночныхъ птицъ. По старинному преданію было извѣстно, что многочисленная шайка убійць и разбойниковъ укрылась тамъ , и основала себѣ неприступное жилище. Нечувствительныо проспалъ первый жаръ служителей. Они раскаявались уже , что такъ дерзко пустились въ пагубный сей лѣсъ. Къ счастью ихъ , вожапой , знавшій твердо дорогу , скоро увидѣлъ вдали свѣтъ , копорой , казалось ему , выходилъ изъ хижины.

Они удвоили скорость. Не останавливаясь ѣхали впередъ , и провожапой

ихъ узнавалъ конецъ своего спранствія. Вскрѣ они въ самомъ дѣлѣ достигли хижины.

Вожапой и Герцогъ Луово попчасть соскочили съ лошадей, и приказали другимъ не дѣлать ни малѣйшаго шума, слѣзть съ лошадей, и подождать ихъ нѣсколько минушь, шагахъ въ 20 отъ хижины.

Оба они подошли къ полураспворенному окошку. Крестьянинъ и жена его разговаривали между собою очень тихо, сидя за маленькимъ столомъ, на которомъ стояла свѣча и умѣренной ужинъ.

«Какъ весело, сказала добродушная крестьянка, одождать людей, какъ надобно. Поспунки ихъ пакъ грѣшны! Они благодарять пакъ честно, и при помъ какъ они великодушны.»

«А особливо молодая женщина, сказалъ крестьянинъ. Она пакъ прекрасна. Молодой человекъ, кажется, очень ее любитъ.»

«И вѣспимо, а особливо въ ихъ лѣта! Я, почно знаю, что шупъ что нибудь да

не даромъ. Вѣрно есть какое нибудь претяпшвіе. Конечно ошець хопѣлъ выдашь ее за какого нибудь богатаго повѣсу.»

«Ну такъ вошь они и уѣхали. Не надо противорѣчишь молодымъ дѣвушкамъ. Въ нашей бѣдности по крайней мѣрѣ мы объ эпомъ не печалимся. Мы полюбили другъ друга, согласились, — и пошчасъ обвѣнчались!» —

«Я думаю, что это живописное, за котораго хопѣли выдашь насильно молодую дѣвушку, похоже на чучелу.

Герцогъ не могъ долѣе слушать. Онъ бросаешся къ дверямъ, сильно смучишь, и въ чрезмѣрной ярости приказываешъ немедленно опперешъ. Безумныя швари! вскричалъ онъ вошедши, гдѣ эпа бѣглянка? гдѣ скриваешся дерзкой, молодой человѣкъ? Покажише мнѣ пошчасъ ихъ убѣжище, или вы понесете доспойное наказаніе!»

Изумленіе креспьянина и жены его было неописанно. Они чрезвычайно испугались при видѣ двухъ человѣкъ, вооружен-

ныхъ съ ногъ до головы, изъ коихъ одинъ былъ въ бѣшенствѣ и безпрестанно грозилъ имъ.

Крестьянинъ нѣсколько ободрился. За что, милостивые государи! вы насъ обижаете? Кипо даль вамъ право такъ худо поступать съ нами?

Спунайте сюда! закричалъ Герцогъ Луово своимъ спутникамъ. Въ одну минуту хижина наполнилась вооруженными служилеями, которые пѣмъ болѣе показывали храбрости, что имѣли дѣло съ двумя бѣдными, дряхлыми людьми, которые не могли имъ сопротивляться.

Вы укрыли у себя молодую дѣвушку съ однимъ мужчиною, сказалъ Герцогъ. Покажите мнѣ поспчасъ, гдѣ они находятся?

Я васъ увѣрю, сударь, опѣчала крестьянка что право шесшь дней тому назадъ была великая непогода; по вечеру, часу въ девятомъ, пріѣхали сюда два путешественника, такъ какъ вы изволише говорить. Они просили укрыть ихъ отъ

темной ночи. Мы съ радостію ихъ пу-
спили къ себѣ. Они ужинали , и ночевали здѣсь. Ранехонько на другой день они вспали, заплашили намъ за все очень хорошо, поблагодарили и уѣхали. Больше мы объ нихъ ничего не слышали. Еспьли вы ихъ ищете, то они по крайней мѣрѣ на четыре дни ѣзды отсюда.

Это сущая правда , сударь , сказалъ крестьянинъ. Власіъ ваша — ищите вездѣ , гдѣ угодно ; и тогда увидите , что обвиняете насъ по напрасну.

Герцогъ Луово, въ сопровожаніи людей своихъ, тщательнo обыскиваетъ во всей хижинѣ , осматриваетъ садъ и нѣкопоруую часть лѣсу. Не нашедши ничего , и узнавъ, по какой дорогѣ поѣхали два бѣглеца , они садятся на лошадей , и продолжаютъ свой путь. Это было около полуночи.

Они пуспились наудачу въ средину дремучаго лѣсу. На разсвѣтѣ доспигли дикой пустыни. Тамъ улесистыя горы и глубокия долины попеременно предсав-

лялись ихъ взору. Они не видали никакого признака жилья. Мѣлзья горы увѣчаны были древними соснами. Верхи ихъ производили мрачный, меланхолической видъ. Казалось, что сіе мѣсто ни въ какое время не было обитаемо людьми.

Хотя сіи мѣста мало обѣщали успѣху надеждѣ Герцога Луово, однако онъ съ прежнимъ жаромъ продолжалъ путь свой. Наконецъ увидѣли они хижину.— Солнце изливало уже первые свои лучи на горизонтѣ; они нашли бѣдную женщину, окруженную тремя малолѣтними дѣтьми. Опъ нее узнали, что мущина и молодая женщина проводили здѣсь ночь, назадъ тому шестъ дней, и что навѣрное они не далеко еще уѣхали.

Это неожиданное извѣстіе еще болѣе воспламенило спремительность Герцога; Онъ хотѣлъ немедленно ѣхать; но его люди напомнили ему, что цѣлыя сутки они ничего не пили и не ѣли, и что лошади чрезвычайно услали. И такъ должно было усугубить необходимость.

Во всемъ домѣ они не нашли ничего болѣе, кромѣ нѣсколькихъ клочковъ шравы для лошадей, нѣсколько кусковъ черстваго хлѣба и двухъ кувшиновъ кислаго молока.

Герцогъ раздѣлилъ своимъ людямъ эту скудную провизію, кою имъ было для нихъ довольно. Для себя же приказалъ подать небольшой кусокъ хлѣба и ковшикъ воды.

Едва нѣсколько отдохнули, онъ выбросилъ на землю золотую монету, приказалъ зануздать лошадей, и они поспѣшью поскакали. Спустившись съ послѣдней горы, они прѣехали въ прекрасную, обработанную долину. Такимъ образомъ послѣ дикой необитаемой пустыни вдругъ представились имъ взорамъ сокровища Природы во всей красотѣ изобилія.

Равнины, расстилавшіяся по обѣимъ сторонамъ дороги, перерывавшейся изъ виду покосы были золотою жемчужною, увѣнчаны шековичными и оливковыми деревьями. Здѣсь пурпуръ винограда алѣлъ

на изумрудныхъ холмахъ ; богатое изобиліе царствовало повсюду. Тамъ различные ручьи , текущіе съ ближнихъ горъ , прудолюбіемъ жишелей раздѣленные на безчисленные серебряныя ниши, орошали и освѣжали цвѣтущія долины.

Тамъ на лѣвой сторонѣ , за чернымъ лѣсомъ, возвышались древнія башни монастыря. Дорога, по которой они ѣхали, покрыта была безчисленными повозками, верховыми и пѣшими путешественниками. Все возвѣщало многлюдство, дѣятельность и торговлю. Сія картина всеобщаго счастья вливала радость во всѣхъ сердцахъ : одинъ только Герцогъ всегда занимался своимъ предпріятіемъ.

Продолжая путь, Герцогъ расспрашивалъ всѣхъ, которые попадались ему на дорогѣ, и многіе описанья были для него удовлетворительны. Въ полдень онъ принужденъ былъ остановиться въ деревнѣ, чобы дать время отдохнуть людямъ и лошадямъ. Тутъ не получилъ онъ никакого полезнаго извѣстія.

Черезъ два часа они поѣхали. Передъ вечеромъ увидѣли около полумили впереди себя двухъ человѣкъ верхомъ.

Черезъ нѣсколько минулъ они могли различить, что то были мущина и женщина. Герцогъ тотчасъ вообразилъ, что это Юлія и ея похититель. Онъ узналъ даже ее по виду и плащю. Тотчасъ пришпорилъ лошадь, и пустился во весь опоръ, приказавъ людямъ своимъ за нимъ слѣдовать. Натурально, что, при видѣ десяти, или двенадцати человѣкъ, скакавшихъ во весь опоръ, неизвѣстные устрашились: обратясь въ бѣгство, они устремились съ необычайною скоростью отъ преслѣдовавшей свиты Герцога.

Служители Герцога гнались за ними неупомимо. Но какъ, можешь быть, лошади неизвѣстныхъ были гораздо лучше, или лошади Герцога и свиты его утомились отъ непрестаннаго почти сучочнаго бѣгу, то они не могли догнать убѣгавшихъ, которые скоро ускакали изъ виду, и на другой сторонѣ горы исчезли совершенно.

Тупь Герцогъ остановился на нѣсколь-
ко минуць, чшобы подумать, какую вы-
брать дорогу изъ двухъ, идущихъ въ раз-
ныя спороны. Онъ поѣхаль наудачу по
одной, которая привела ихъ къ чрезвы-
чайно высокой и утесистой каменной
горѣ. Сама Природа, или искусство че-
ловѣческое раздѣлило ее на двѣ части,
между которыми видѣнь былъ низкой и
глубокой проходъ. Острые верхи скалъ,
возвышавшихся по обѣимъ его споронамъ,
перялись изъ виду.

Потоки дождевой воды, низвергавшей-
ся съ высоты, изрыли сѣи огромные утесы,
и представляли при каждомъ шагѣ
глубочайшіе и ужасные рвы, чрезъ кото-
рые должно было непременно переправ-
ляться. Орлы, филины и ночныя ппи-
цы носились надъ головами путеше-
ственниковъ, и унылое, пропяжное эхо
повпоряло надгробные ихъ крики. Черной
мракъ ночи, покрывавшій горизонтъ, ка-
зался еще ужаснѣе въ сей глубокой и
мрачной пропасти.

Воображеніе служилыхъ , расположенныхъ уже къ суевѣрнымъ впечатлѣніямъ отъ ночныхъ сценъ, случившихся въ замкѣ Мадзини, — возмутилось еще болѣе отъ дикихъ , непріятныхъ карпинъ , непреспанно имъ представлявшихся. Хопя ихъ было и много и всѣ хорошо вооружены, при всемъ томъ они спрашались въспрѣпиться съ шайкою разбойниковъ. Не въспрѣчая никого , пренепали онъ явленія ночныхъ призраковъ и мерпвецовъ.

Тщешно Герцогъ спарался всѣми силами поселить въ нихъ мужеспво. Съ жестпочайшею гореспію увидѣлъ онъ на самомъ дѣлѣ , что чернь спрашится болѣе мнимыхъ , нежели наспоющихъ опасностей. Наконецъ всѣ они просили его возвращиться назадъ , и не хотѣли слѣдовать за нимъ далѣе.

Онъ представлялъ имъ , что они далеко уже заѣхали , — что сполько же лагубно возвращаться назадъ , какъ и продолжашъ начаспой ими пупь , и попомо лучше ѣхашъ далѣе. Попомъ , обѣщая

имъ новыя награжденія, и прося ихъ съ ласковостію, безъ пруда убѣдилъ ихъ за нимъ слѣдовать.

Наконецъ день освѣпилъ ихъ. Тогда узнали они, что пробѣжали страшной проходъ, и достигли ровной, но необработанной страны. Куда ни обращали взоры, нигдѣ не видѣли ни малѣйшаго признака обиталища. Тамъ Природа являлась въ дикомъ и уединенномъ видѣ. Тщепно время опъ времени они внимательно прислушивались, желая открытъ хопя малѣйшіе слѣды обитаемой земли; кромѣ вою вѣтровъ и реву воды, низвергавшейся съ утесовъ, копорые ограничивали горизонтъ, ничто не поражаело ихъ слуха.

Наконецъ, около девяти часовъ утра, спускаясь съ горы, они примѣпили вдали слабой свѣтъ. Желаніе, выпши изъ ужасной пустыни, придавало имъ силы и скорость; они попчасть поскакали къ этому мѣсту. Но когда приближались, то свѣтъ сей опчасть болѣе умножался. Наконецъ увидѣли, что это былъ огонь,

копорого сіяніе выходило изъ большаго отвѣрстія пещеры, и, казалось, что рука Природы изрыла сію пещеру въ чрезвычайно огромномъ утѣсѣ, на верху копорого видны были кипарисы, сосны и древніе дубы.

Услыша смѣшанной звукъ голосовъ, они не могли еще узнать, отъ чего онъ происходилъ.

Герцогъ Луово и двое служителей сошли съ лошадей, и всѣ трое приближались къ тому мѣсту, откуда слышанъ былъ шумъ.

Топчасъ они примѣтили, что сей шумъ походилъ на крикъ веселившихся людей. Громкой смѣхъ, заклинанія и варварскія пѣсни сливались, казалось, въ одинъ тонъ. Наконецъ послѣдовало всеобщее молчаніе; но вскорѣ сіе молчаніе прервано было звукомъ громкихъ голосовъ, раздававшихся далеко, въ слѣдующихъ словахъ:

Друзья! до пьяна напивайтесь,
Что лучше можеть быть вина?

Въ любви печальны мы бываемъ,
Въ любви намъ должно вѣкъ груститьъ;
Въ винѣ все горе забываемъ;
Друзья! давайте лучше пить!
Друзья! и проч.

Пусть радость насъ одушевляетъ,
И въ нашихъ пусть живетъ сердцахъ!
Пусть всякой Вакха прославляетъ
Съ бутылкою вина въ рукахъ!
Друзья! и проч.

Вино! шебя мы воспѣваемъ!
Ты лучше книги учишь насъ!
Когда мы рюмки осушаемъ,
Тогда умнѣе — во сто разъ!
Друзья! и проч.

Смѣхъ, радости — вино раждаетъ,
Веселье въ сердце наше льетъ.
Тотъ вѣкъ не плачетъ, не вздыхаетъ,
И не груститъ, вино кто пьетъ!
Друзья! и проч.

Хотя въ винѣ я умъ теряю,
За то печали не терплю!
Я разумъ въ рюмкѣ оставляю,
А радость изъ нее беру!
Друзья! и проч.

О мудрецы! не возноситеесь,
Что вы умѣли строго жить!
У насъ — у насъ вы поучитесь,
Какъ щасливымъ всегда пробывъ.
Друзья! до пьяна напивайтесь,
Что лучше можетъ быть вина?

Первые два стиха были повторяемы послѣ каждого куплета всѣмъ хоромъ громко и согласно. Казалось , что не совсѣмъ грубые и не знающіе люди пѣли сію пѣсню. Стройно произносимые звуки показывали , что имъ не совсѣмъ чуждо было искусство , и что они по крайней мѣрѣ слыхивали хорошія пѣсни, сочиненныя по правиламъ музыки.

Въ мѣстахъ необитаемыхъ , въ нѣдрахъ мрачной пещеры, среди дикой пустыни , жить такому обществу , казалось , совсѣмъ не сродно. Герцогъ перялся въ догадкахъ. Собраніе ли эпо заговорщиковъ , или шайка разбойниковъ ? Должно ли надѣяться на нихъ , или бояться ? Хорошо ли будетъ идти къ нимъ , или не лучше ли проѣхать мимо ?

Что касается до его людей , а особливо до нѣхъ двухъ служивелей, которые его сопровождали, то ужасъ лишилъ ихъ чувства и разсудка. Имъ казалось , что настала уже послѣдній ихъ часъ , и воображая , что въ этой пещерѣ нахо-

дипся человекъ шесъдесять , они по-
чипали себя совершенно погибшими.

Однакожь Герцогъ , по свойспвенной
ему неуспрашимости , приблизился къ
ошверспю , чрезъ которое взоры его мо-
гли проникнуть во внуспренность . Изъ
предоспорожности обнажилъ шпагу , — и
держалъ ее въ рукѣ . Вскорѣ , при свѣспѣ
огня , горящаго на очагѣ , и въ чепырехъ
висящихъ лампадахъ , онъ могъ увидѣть
около двадцати человекъ , сидѣвшихъ во-
кругъ каменнаго стола , успавленнаго
блюдами съ жаркимъ и бушылками съ
виномъ .

Радость одушевляла пиршесствующихъ .
По виду ихъ и выраженіямъ , можно бы-
ло примѣспить воспипаніе , соединенное
съ звѣрспвомъ . Они говорили о войнахъ ,
основашеляхъ Государспвѣ , — о первыхъ
Римлянахъ , праошцахъ славнаго народа ,
владычеспововавшаго надъ цѣлою вселен-
ною въ продолженіи споль многихъ звѣ-
ковъ . Пошомъ перещли къ собспвеннымъ
своимъ подвигамъ ; съ жаромъ испинны

описывали сраженія , въ которыхъ находились, опасности , которыми подвергались, и упорность, или покорство жертвъ своихъ. Представляли ихъ положеніе и оживляли свои разговоры живописными выраженіями. Часной и громкой смѣхъ прерывалъ ихъ слова.

Одинъ изъ нихъ началъ разсказывать, какъ многіе изъ ихъ шайки встрѣпились съ молодою дѣвицею и ея спутникомъ. Онъ такъ много выхвалялъ красоту сей несчастной, — такъ подробно описывалъ ея прелести, что Герцогъ Луово догадывался, что дѣвица, о которой говорили разбойники, точно была Юлія.

Въ то же время увидѣлъ онъ у входа пещеры двухъ осѣдланныхъ лошадей, которые, казалось, были забыты разбойниками. Тогда Герцогъ совершенно увѣрился, что эти лошади принадлежали Юліи и Ипполиту.

Въ безразсудной пылкости своего гнѣва онъ сдѣлалъ движеніе шпагою. Свѣшное

жельзо засверкало опть огня , выходявшаго изъ пещеры; — эптопть свѣпть проникнулъ во внушренность, — и поразилъ взоры одного изъ веселившихся , въ то самое время , какъ онъ ободрялъ своихъ поварищей. Измѣна! закричалъ онъ; вооруженные окружаюпть пещеру.

Немедленно всѣ хватаюпся за оружіе и выбѣгаюпть вонъ. Герцогъ и двое людей, провожавшихъ его, въ одно мгновение были примѣчены, окружены и схвачены.

Ихъ опвели въ пещеру. Луово, богато одѣный и показывающій доснапокъ своею походкою и всѣми поспунками, показался имъ хорошею добычею, опть копорой надѣялись довольно поживипсья.

Его предспавили тапаману. Но какое было его изумленіе и замѣшательство, когда онъ въ эпомъ начальникъ убійць узналъ . . . своего сына , непослушнаго Рикардо , копорый въ цвѣнущей еще юности оставилъ родипельскій домъ ,

чтобы свободнѣе предаваться пагубному стремленію своихъ спраспей.

Проведши нѣсколько лѣтъ въ распущенствѣ, роскоши и своевольствѣ, Рикардо не могъ показаться ни въ одномъ городѣ Испаліи и Сициліи, гдѣ извѣстны были всѣ его распущенства, всѣ его пороки, и можетъ быть злодѣянія; онъ приспалъ къ шайкѣ побродягъ, и доказавъ во многихъ случаяхъ свою неустрашимость и разумъ, болѣе способный на выдумки и хитрости предъ прочими его поварищами, былъ избранъ апшаманомъ, — и всѣ поклялись ему въ почтеніи, вѣрности и послушаніи.

Скоро шолпа сія увеличилась, и присоединилась къ нѣсколькимъ тысячамъ челобѣтъ, разсѣяннымъ по обѣимъ сторонамъ еихъ мѣстъ, распределенныхъ по плану общаго ихъ начальника, имѣющихъ сообщеніе между собою помощію безпреспанной и вѣрной переписки, и при всякомъ случаѣ готовыхъ соединиться вмѣстѣ и сосланишь войско по пер-

вому сигналу. Рикардо, изобилующій всякаго рода оружіемъ , събспными припасами , разными поварами , золопыми и серебряными вещами , — повелѣвающій неуспрашиваемыми людьми , гошовыми презирапъ смерть по первому его приказанію , — Рикардо заспавлялъ препенать владѣпелей сихъ различныхъ земель , и обезопасилъ себя ошъ всякихъ поисковъ и преслѣдованій.

Еспвли сердце Герцога ошъ природы было чуждо нѣжныхъ чувспвованій родпшея , по гордоспъ и честполюбіе вмѣсто того совершенно имъ овладѣли. Сколь велико было его бѣщенство , когда онъ узналъ , что сынъ его добровольно опредѣлилъ себя къ споль незаконной и постыдной жизни! Видя , что первая его укоризны худо приняпы Рикардомъ , онъ пришелъ въ такое смущеніе , что выхватилъ шпагу , и хотѣлъ пронзить сердце недоспойнаго своего сына.

Разбойники , окружавшіе его , увидя неизбѣжную опасноспъ ашамана , успреми-

лись съ обнаженными саблями и пистолетами на дерзкаго Луово ; они изрубали бы его въ куски, еспьлибъ Рикардо спрашнымъ и грознымъ голосомъ не приказаль имъ положить оружія и не трогаться съ мѣста.

Такая сцена нѣсколько успокоила чувства яростию воспылавшаго Луово , и привела его въ рассудокъ. Съ горестію видя , что его увѣщанія бесполезны молодому , независимому человѣку , горящему своею власнію и могуществомъ, онъ почель за нужное пребыть только одной Юліи.

Въ пвоей власпи , сказалъ онъ сыну своему, находится молодая дѣвица. Она принадлежитъ къ знанной фамиліи. Похищенная пвоими сообщниками, она находится теперь въ эной нещербъ съ человѣкомъ , копорой ее провожалъ. Я обязанъ искать ее , и это есть цѣль моего путешествія. Опдай мнѣ сію нещасную. Можешь бышь пвое послушаніе нѣсколько оправдаеть тебя въ

глазахъ моихъ , и заспавипъ меня съ меньшимъ ужасомъ взирапъ на сына , кошорой , не познавъ славы предковъ своихъ , оскверняетъ жизнь свою злодѣянїями и разбойничествомъ .

Рикардо поклялся поржеспвенно опцу своему , что совѣмъ не знаетъ того , объ чемъ онъ говоритъ ему , что въ пещерѣ вѣпъ никакой молодой дѣвицы , и что соглашается на всякой обыскъ , еспъли Герцогъ почишаетъ его необходимымъ . Онъ прибавилъ еще , что еспъли услуги его могутъ быть прїяпны его родителю , то онъ готовъ помогать ему всѣми силами , опыскивать эту дѣвицу .

Герцогъ , будучи увѣренъ , что сынъ не спанепъ его удерживать , вышелъ изъ пещеры , и , не желая съ нимъ проспипъ-ся , сѣлъ на лошадь , и поѣхалъ къ своимъ людямъ .

Г Л А В А VI.

Герцогъ уже въ полночь оставилъ пещеру. Густыя облака скоплялись въ атмосферѣ, и быспрогонимыя сильныя вѣтры по скрывали слабое сіяніе луны, по позволяли ей освѣщать землю.

Въ глубокомъ молчаніи, около трехъ часовъ, ѣхали наши путешественники, какъ вдругъ звонъ колокола возвѣспилъ имъ, что они приближаются къ монастырю.

Время уже было искать себѣ какое нибудь убѣжище, гдѣ они могли бы успокоиться. Два дни и три ночи сряду провели они не слезая почти съ лошадей,— и потому были не въ состояніи продолжать своего путешествія.

Скоро звонъ колокола умолкъ, и это чрезвычайно ихъ опечалило: ибо среди темноты ночной они не имѣли другаго способа достигнуть обитяемаго мѣста.

Но чрезъ нѣсколько минулъ, въ то самое время, какъ опчаявались найсти сіе убѣжище, поплъ же звонъ, но гораздо громче опянь исполнилъ души ихъ сладостною надеждою. Въ то же время серебряный кругъ луны вышелъ изъ облаковъ— и лучи его опражались на позлащенныхъ главахъ и куполѣ церкви.

Поворопя вправо, они достигли аллен, ведущей къ монастырю, и оканчивающейся огромнымъ порпаломъ Гописческаго вкусу, украшеннымъ колоннами и спапуями.

Одинъ служитель соскочилъ съ лошади, и громко поступчался въ воротаы. Нѣтъ никакого опвѣту. Онъ заспучалъ въ другой разъ. Тупъ загремѣли ключами, и грубоватой голосъ спрашивалъ: Кіпо тамъ? Тогда узналъ Герцогъ, что въ монастырѣ живупъ люди.

Луово опвѣчалъ: *Путешественники и друзья!* Ключъ вложили въ замокъ — крючки заскрипѣли на своей оси, — одна половина воротъ опворилась — и вы-

сокой , сухощавой образъ челоѣка , въ черной одеждѣ , и съ завязанною головою , явился предъ ними , и спрашивалъ , чего имъ надобно ? Мы заблудились и пріѣхали сюда попросить ночлега .

Спупай же своею дорогою , опвѣчалъ монахъ , спараясь заворопы . Мы не имѣемъ нужды укрывашь у себя разбойниковъ .

Гордоспъ Герцога чрезвычайно оскорбилась такимъ опвѣпомъ . Онъ опшполкнулъ монаха , опвориль воропы , и взошелъ со всѣми своими людьми .

Спупай , брапъ ! скажи своему наспояпелю , что Герцогъ Луово хочепъ ночевать въ его монастырѣ .

Приведенный въ смяпеніе монахъ , скорыми шагами пошелъ внутрь спроенія со всѣми знаками ужаса . Скоро попомъ пришелъ наспояпель , съ двумя брапями , которые несли по фонарю . Онъ пріѣспвовалъ Герцога , и повелъ его въ большую комнату , въ которой стѣны совсѣмъ были голы , вся мебель соспо-

яла въ дубовыхъ скамьяхъ, споящихъ кругомъ, — въ одной каедрѣ и большой карпинѣ въ деревянныхъ рамахъ.

Послѣ завтрака Герцогъ Луово и его люди сѣли на лошадей и поѣхали.

Монастырь находился полько на приими опъ пролива, опдѣляющаго Сицилію опъ Ипаліи. Они попчасъ переѣхали сіе разстояніе. Послѣ нѣсколькихъ минушь размышленія, Герцогъ рѣшился ѣхать вдоль по морскому берегу, чпюбъ освѣдомляпсья во всякомъ обишаемомъ мѣспѣ, не опправились ли моремъ тѣ люди, кошорыхъ онъ преслѣдовалъ.

Въ два часа по полудни, заѣхавъ въ одну рыбачью хижину, Герцогъ узналъ, что около полудни два человекъ, почно шакіе, какъ онъ ихъ описалъ, оспанавливались здѣсь, и попомъ скоро поѣхали по дорогѣ, кошорую и указали Герцогу.

Герцогъ поскакалъ по этой дорогѣ, и безъ всякаго успѣха ѣхалъ до вечера.

Вдругъ сильной вѣсперь, гонящій черныя и гуспыя облака, возвѣспилъ наспупающую непогоду. Должно было укрыться. Но куда они ни обращали взоръ свой, нигдѣ не видали никакого убѣжища. Тутъ опдались они на волю случая, куда пойдуть лошади, копорыя привезли ихъ къ древнимъ и огромнымъ развалинамъ — плачевнымъ оспашкамъ жилища, которое, казалось, принадлежало нѣкогда какому нибудь самовласпному Господину.

Едва укрылись они подъ полуразрушившіеся своды перистпили, какъ вдругъ молнія, упадшая въ двадцапи омпъ нихъ шагахъ, привела въ ужась людей и лошадей. Но скоро пошелъ сильной дождь, смѣшанной съ крупнымъ градомъ, удалилъ громовые удары и уменьшилъ сверканіе молніи.

Чрезъ полчаса буря упихла, дождь переспаль, громъ гремѣлъ только вдали, небо прояснилось, и спокойспвіе заняло мѣсто ужаса.

Попомъ они оглядывались вокругъ себя. Герцогъ съ великимъ вниманіемъ смопрѣлъ на мѣста, служившія имъ убѣжищемъ. Это была огромная зала, украшенная чернымъ и бѣлымъ мраморомъ. Ни въ одномъ окнѣ спеколь не было — время все разрушило. Снаружи и внупри росли густые кустарники, и плющь извивался по стѣнамъ.

Герцогъ вздумалъ разсмопрѣть сіи развалины. Длинной коридоръ предсавился его взорамъ. Онъ велъ въ другіе покои. Повпоряемое эхо раздавалось подъ его шагами. Онъ безъ всякой цѣли переходилъ изъ комнашы въ комнашу. Полуразвалившіяся лѣспницы, пополки, частію обрушившіеся, и копорыхъ остатокъ едва былъ поддерживаемъ перекладинами, опспавшими уже ошь стѣнъ, служившихъ имъ подпорою — все это дѣлало чрезвычайно опаснымъ шакое путешество.

Предаваясь случаю, Герцогъ заблудился въ сихъ ужасныхъ развалинахъ:

Послѣ долгихъ поворотовъ, ему казалось, что онъ возвратился опять туда, откуда вышелъ, и, отворяя дверь, думалъ войти въ периспиль, гдѣ оставилъ людей своихъ. Но сколь велико было его удивленіе, когда увидѣлъ чрезвычайно огромную комнату какъ по высотѣ своей, такъ и пространству. Капелла ли была это, сѣни, или церковь? Большія расписанныя окна увѣрили Герцога, что это почто была церковь. Онъ хотѣлъ войти туда; но молнія сверкала такъ часто, и бросала такое яркое, ослѣпительное пламя, что онъ принужденъ былъ оставить свое намѣреніе; — невольной ужасъ объявлялъ его — и онъ громкимъ голосомъ началъ кликать людей своихъ.

Его крикъ не могъ поспѣть до нихъ достигнуть. Возвращаясь назадъ, онъ безпреспанно ихъ кликалъ: наконецъ они слышали, прибѣжали къ нему на помощь, и отвели его въ прежній периспиль, гдѣ находились всѣ люди и лошади.

Глубокая ночь не позволяла имъ искапъ другаго убѣжища. Герцогъ сказалъ своимъ людямъ, что проведешь въ эпомъ мѣстѣ остатокъ ночи, и жалѣлъ, что они должны были лечь спать безъ ужина. Однако нѣкоторые изъ служивелей, предусмотрительнѣе прочихъ, изъ монастыря, поупру ими оставленнаго, взяли довольно съѣстныхъ припасовъ, и спарались услужить имъ своему Господину.

Всѣ непріятности ночлега — весь ужасъ, которой наводили имъ пустыя, оставленныя развалины — въ одну минуту исчезли въ глазахъ ихъ. Сердца ихъ расширились, — не спало болѣе плачевныхъ призраковъ, и всѣ они, сѣдши кругомъ, начали уполять свой голодъ, — и предаваться радости. Лошади были опведены на ближній лугъ, гдѣ нашли они превосходную паству.

Ужинъ кончился — и каждой думалъ только о снѣ. Завернувшись въ плащи, они легли на зеленой травѣ, не далеко другъ отъ друга, — и всѣ спокойно проспали до слѣдующаго утра.

На другой день пробудились съ новыми силами, съ новою бодростію. Оспапки вчерашняго ужина спарашельно были собраны. Каждой осѣдлалъ себѣ лошадь, и всѣ опправились въ путь.

Спускаясь съ пригорка, они увидѣли проспанную равнину. Поереди ея находилось озеро, около двухъ миль въ окружности, съ чистою водою. Тупъ Герцогъ и люди его примѣпили двухъ человекъ, которыхъ видѣли прежде, и за которыми гнались такъ долго и безъ всякаго упѣха. Это была точно та же женщина, съ молодымъ человекомъ. По ихъ плапью и лошадямъ всѣ поппчасъ въ этомъ увѣрились.

Можно себѣ предспавить, съ какою послѣшностію Герцогъ, увѣренный, что это точно была Юлія и ея похипипель, приказалъ людямъ своимъ скакать за ними.

Двое молодыхъ людей, безъ сомнѣнія занявшись разспатриваніемъ кѣрпинъ зеркальнаго озера и цвѣпущихъ береговъ

его, не обращали вниманія на то, что происходило позади ихъ. Чтобы долѣе насладиться симъ прекраснымъ зрѣлищемъ, они сошли съ лошадей. Молодая женщина сѣла на берегу, а спутникъ ея, вынувъ нѣсколько съспныхъ припасовъ изъ дорожной сумки, также сѣлъ подлѣ нее, и оба начали спокойно завтракать.

Герцогъ, съ вершины холма, разсматривая ихъ со вниманіемъ, увидѣлъ, что, если онъ пойдетъ по спремнистой пропикѣ, ведущей къ долинѣ, и успеетъ къ тому мѣсту, гдѣ сидѣли молодые путешественники, то въ одну минуту будетъ подлѣ нихъ. Онъ поспасъ слѣзъ съ лошади, пошелъ по узкой пропикѣ, и приказалъ нѣкоторымъ изъ людей идти за собою пѣшкомъ.

Уже не далѣе пятидесяти шаговъ находились они отъ путешественниковъ, какъ вдругъ молодая женщина, оборотившись нечаянно, увидѣла ихъ. Топчась вспаетъ, устремлялся въ бѣгство,

и хочеть сокрыться въ ближнихъ утесахъ ; но многіе изъ служителей поспѣхъ нагоняють.

Молодой человѣкъ, пораженный нечаяннымъ нападеніемъ , не долго колебался : вспаесть , вынимаесть шпагу , бросаесть на толпу сихъ людей, и особливо, устремляесть на Герцога, который шель напередѣ ихъ.

Они начали ужасную битву, на которую служители смотрѣли неподвижно. Бѣшенство направляло ихъ ударь. Луово предасть всей своей ярости ; молодой человѣкъ, будучи нѣсколько хладнокровнѣе, гораздо болѣе предъ нимъ выигрывалъ. Онъ упомилъ своего противника непредвидѣнными ударами и чрезвычайно проворными нападеніями; попомъ, воспользовавшись пѣмъ временемъ , когда Герцогъ неоспорочно выпадалъ, пронзилъ его своею шпагою.

Луово безъ чувствъ упалъ на землю. Одни изъ служителей бросились помогать своему Господину, а другіе устре-

мились на незнакомца, которой принялъ ихъ такъ неуспрашимо, что они попочасъ оставили сраженіе. Попомъ побѣждалъ онъ къ тому мѣсту, гдѣ проеизъ людей Герцоговыхъ держали молодую сплшницу; — съ такою храбростію напалъ на нихъ, что они попочасъ пуспили свою плѣнницу, и онъ привелъ ее къ лошадямъ своимъ.

Герцогъ скоро оломнилъ. Взглянувши на своего побѣдителя, которой находился опъ него не далѣе пипнадацпип шаговъ, онъ легко узналъ, что это не Иянолптъ; — что молодая женщина, которой подавалъ онъ руку, и на лицѣ которой тогда еще изображался весь спр хъ, была ему вовсе неизвѣстна, и что она — не Юлія.

Чрезвычайно раздосадованный своею оппбкою, приказалъ онъ одному изъ служивелей повросптъ спхъ незнакомцевъ, подопши къ нему безъ всякаго спраха.

Молодой человекъ въ самомъ дѣлѣ прибавился. Мужеспвенной и благород-

ной видъ его ясно показывалъ, что два различныя чувства возмущали его душу— живѣйшее участіе, которое внушала ему милая его спутница, — и печаль, что онъ поразилъ, можетъ быть, смертельнымъ ударомъ челоуѣка, котораго погубила неблагоразумная запальчивость, — и благородная наружность, котораго показывала, что онъ не изъ низкаго сословія.

Прежде, нежели вы насъ оставите, сказалъ Герцогъ слабымъ голосомъ, примите мое извиненіе. Одна ошибка была причиною нашего сраженія. Нѣкоторое сходство лѣтъ — нѣкоторое подобіе вывели меня изъ границъ благоразумія. Вы поступили, какъ храброй челоуѣкъ. Если я останусь живъ послѣ моего несчастія, — то будьте увѣрены, что вы въ Герцогѣ Луово найдете истиннаго друга. Прощайте, сударь! Вы можете теперь спокойно продолжать путь свой.

Молодой человекъ ничего не отвѣчалъ, и съ изъявленіемъ глубочайшаго почтенія удалился. Его спутница и онъ сѣли на лошадей, и чрезъ нѣсколько минулъ скрылись изъ виду. Послѣ того узнали, что молодая дѣвица была единственная дочь богатаго и скупаго Сицилійскаго Дворянина; — что она ушла изъ монастыря, гдѣ опецъ держалъ ее, и убѣжала съ своимъ любовникомъ. Они хотѣли отправишься въ Ипалію, гдѣ сей послѣдній имѣлъ вѣрныхъ друзей и родственниковъ. Тамъ хотѣли они совершить свой бракъ, и спокойно проводить жизнь свою.

Между тѣмъ Герцогъ жестоко страдалъ отъ раны. Его люди, нимало незнающіе врачебной науки, употребляли всѣ свои силы, чтобы унять кровь, обмыли рану и перевязали ее. Непременно надобно было ѣхать въ ближній городъ, и найти тамъ Лѣкаря, который бы могъ осмотрѣть сію рану, и сдѣлать все, что было нужно.

Съ другой стороны Герцогъ не хотѣлъ опспать опъ преслѣдованія Юліи. Онъ твердо былъ увѣренъ , что ей не лзя быть далеко , и что , продолживъ нѣсколько свои поиски , точно бы нашелъ ее.

Среди сихъ безнокойспвъ , два крестьянина пробхали подлѣ озера верхомъ на добрыхъ лошадяхъ. Герцогъ послалъ къ нимъ освѣдомиться , по какой дорогѣ должно ѣхать къ ближайшему городу. Они сказали ему дорогу , копорая вела къ одному большому мѣстечку , находившемуся опъ нихъ на полпоры мили. Тогда посадили Герцога на лошадь , и въ при часа по полудни , не безъ труда однакожь , прѣхали въ показанное мѣстечко.

Прибывъ туда , увидѣли они домъ , довольно красивой снаружи. Одинъ изъ служителей пошелъ спросить , можно ли шамъ оппановиться , за какую бы ни было цѣну. Хозяинъ согласился на предложеніе , и принялъ Герцога со всѣми его людьми.

Герцогу отвели хорошую комнату, гдѣ онъ нашелъ довольно спокойную постель. Рану его осмотрѣли; она была не опасна. Шпага далеко вошла въ плѣло; но не повредила внутренности.

Чтобы выздороветь, нужно было только время и покойствие. Но гордость и ревность чрезвычайно возмущали душу Герцога. Мысль, что щастливый его соперникъ владѣлъ Юлією, — что всѣ неуспѣшные пруды кончались сколь постыднымъ, столь униженнымъ для него образомъ: сія мысль безпрестанно представлялась ему и воспаляла его кровь. Къ симъ несноснымъ чувствованиямъ присоединился еще чрезмѣрной гнѣвъ, — и все сіе вмѣстѣ причинило ему жестокую лихорадку, отъ которой жизнь его была въ опасности.

К О Н Е Ц Ъ В Т О Р О Й Ч А С Т И .